

Соколов Олег

Ваши благородия, господа вандалы

Соколов Олег Борисович Ваши благородия, господа вандалы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48712571

SelfPub; 2019

Аннотация

Погони, дуэли, пирушки и убийство княжны в день ее венчания с генералом Муравьевым, командиром гусарского полка, подчиненного графу Бенкендорфу, основателю контрразведки в Российской империи. Офицеры полка занимались шпионажем, внешней разведкой и политическими убийствами. Следователь жандармского ведомства, офицер полка Шлыков и бывший офицер, возглавляющий трибунал во время войны, а ныне враг отечества, вор и убийца, сотрудничающий со следствием – раскроют это убийство и остановят грядущую гражданскую войну.

Недавно по Европе и в России прокатилась война, забрав с собой половину населения с земли на небеса. Наиболее мудрые, честные и благородные обратили свои стремления к цели, дабы улучшить окружающий мир, тогда как бедные разумом, воспользовавшись нищетой, решили нажиться на горе людей. В XIX веке вера в Бога и любовь к отечеству объединила крепостных, дворян, помещиков и царя в единый русский народ. Теперь же, спустя десять лет после победы над Наполеоном и его армией Россия была готова к новой войне – гражданской.

Серж и не заметил, как наступил вечер, прошел еще один сумасшедший день, и он надеялся -последний в этой истории. Сегодня начало его новой жизни, наконец-то он богат, свободен и, как в юности, мечтает о блестящей карьере, ожидая нового назначения. Вероятно, мне присвоят офицерское звание, скажем майор, думал Серж.

В комнате никого нет, даже хозяин, переживший ночное вторжение в свой дом и от страха только и бормотавшего: «Я ничего не знал господа, помилуйте...», теперь, когда все ушли и все стихло, не осмеливается зайти. Какое благоденствие, можно расслабиться и выпить вина за жизнь и свободу. Однако я голоден, подумал Серж – это был уже не молодой, не высокого роста, очень худой и лысоватый мужчи-

на. Он поднялся с кресла, в котором ему пришлось просидеть всю ночь, потянулся и вышел из комнаты. Господи, какая же все-таки грязная лестница в этом доходном доме, не Екатерининский проспект чай, даже не Офицерская улица, уж на что военные сплошь пьяницы и гуляки, а чистоту любят, ну да ничего, сегодня у меня праздник и прочь хандру. Серж вышел на набережную канала, было серое и пасмурное утро, начинался один из многих будничных дней и прохожие с мрачными сонными лицами шли на службу. Сержу так и хотелось им крикнуть, чего насупились, проснитесь господа, улыбнитесь и порадайтесь вместе со мной. Подойдя к магазину, Серж вспомнил, что-деньги-то ему так и не отдал поручик, а ведь под утро, в самый последний момент сказал себе – напхни Шлыкову, не забудь. Серж стоял у магазина и решительно не знал, что ему делать дальше. Подкатил экипаж. Ну, слава Богу Шлыков вспомнил, что мои карманы пусты и вернулся, смею надеяться к своему сослуживцу, отдать заработанные честной службой. Серж улыбнулся и постучал в дверцу кареты.

–Поручик я вас жду, выходите и мы отпразднуем нашу победу.

Дверца открылась и из нее вышел жандармский ротмистр.

–Граф, попрошу без глупостей. По приказу начальника третьего отделения жандармского управления графа Бенкендорфа вы арестованы, отдайте ваше оружие и следуйте за нами.

—В чем меня обвиняют?

—В измене отечеству и императору, в подозрении организации покушения на жизнь генерала Муравьева, в организации убийства вашей сестры княгини Салтыковой. Вопросов больше не задавать, соблюдать молчание и четко выполнять приказы. Любое ваше действие, которое вызовет у меня или у солдат подозрение будет расценено, как попытка сопротивления и желание побега. В этом случае вы будете убиты без предупреждения. Извольте ознакомиться с приказом.

Черная карета везла Сержа по городу, и он пытался отгадать куда его повезут: если к Бенкендорфу на допрос, то не все еще потеряно; если в Петропавловку, то он сгниет заживо в этих казематах. Из одной тюрьмы в другую, уж и вправду лучше бы убили сразу. Он забился в угол и, откинув голову на спинку, сидел с открытыми глазами, но ничего не видел перед собой. Серж не жалел о своем поступке, ведь в конце концов он не предал императора и сможет это доказать, если будет на то разрешение конечно, ведь не убил никого, самого чуть не казнили. Я лишь выполнил свой долг офицера и жандарма. Тогда отчего появился этот страх? Как говорит граф, боязнь возникает от мысли, что же будет со мной через мгновение и окончательно ломает волю восклицанием: «О, ужас!» Серж пытался избавиться от этой навязчивой мысли, прогнать ее прочь и успокоится, к тому же он должен через несколько минут предстать перед человеком, которому до сего мгновения служил верой и правдой. Самообман! Какой

верой, какой правдой? Вместо того, чтобы выполнить приказ графа, решил немного подзаработать. Чушь, все не могу перестать себе врать, ничего себе подзаработать... Серж закрыл глаза и сморщился. Да кому ты врешь? Хоть перед самим собой будь сейчас правдив и откровенен. Я боюсь!

Казалось, что карета уже несколько часов кружит вокруг одного и того же места. У Сержа болела голова, он плохо переносил закрытое пространство. Окна кареты плотно закрыты шторами и Серж мог лишь слышать, как копыта стучат по мощенной камнем дороге. От неизвестности и темноты время тянулось ужасно медленно, а монотонный стук приводил в бешенство. Сумасшедшие мысли носились в голове с ужасной скоростью: они дрались между собой, кричали, обвиняя друг друга в глупости и самонадеянности. Я пленник, Господи, неужели снова арест? Он теперь проклинал ту минуту, когда решил, что сделал правильный выбор. От страха Серж потерял контроль над собой и не выдержав, дрожащей рукой отдернул штору. Внезапная мысль о побеге, как искра опалила воспаленный мозг и тут же погасла, оставив в душе лишь тьму обреченности. За окном лил дождь, и он подумал, что лучше сегодня ехать в тюремной карете, чем плестись под таким ливнем до дворца графа и уж совсем мерзко, если бы светило солнце. Нестерпимо смотреть на радостные лица из окошка тюремной кареты, а на съездившихся людей под серым и холодным дождем, как-то легче и не так противно.

По Петербургу во время дождя спокойно идти невозмож-

но: сверху на тебя сплошным потоком льется вода, а под ногами грязь, кое где по колени и от вони нечистот, покрывающих улицы, невозможно спастись, а если замараешь платье навозом, то выстирать или очистить его уже не сможешь и придется выбросить. Люди прыгали через лужи, закрывая голову руками от дождя; переходили улицы на цыпочках, боясь замараться и набрать в калоши воду; передвигались из стороны в сторону, стремглав перебегая дорогу, по которой мчались экипажи и всадники, готовые раздавить любого зазевавшегося пешехода. Серж смотрел в окно и улыбался, немногочисленные горожане, оказавшиеся волей случая на улице, казалось не идут, а исполняют какой-то дьявольский танец под дождем.

Откуда взять мужество для встречи с ужасным? Неужели один смертный человек может лишиться жизни другого такого же смертного? Может, еще как может, но ведь не зарежут меня в темном углу грязной камеры? Могущественный человек убивает постепенно, сперва разговор, потом пытка... пришло время и граф будет решать мою судьбу, как же не хочется оправдываться и изворачиваться, но придется. Смогу ли я, выдержу ли? Сержа лихорадило при одной лишь мысли об этом. Кровь стучала в висках и несмотря на холод на лице выступил пот. Пытаясь успокоиться, он терзал свое воображение, требуя от памяти умиротворенных картин из прошлого, но на ум приходили видения с окровавленным телом сестры или воображение рисовало перекошенное лицо пору-

чика, ехидную ухмылку следователя или лица офицеров, которых он предал. Серж гнал от себя воспоминания последних дней и мучительно боялся признаться самому себе, что будь хоть какая-то надежда на успех и он не задумываясь примкнул бы к ним, с восторгом предаваясь безнаказанным грабежам и убийствам. Вот где можно покуражится и потешить душу.

Серж уже простился с жизнью, но карета внезапно остановилась, и эта остановка вернула его к реальности. Офицер открыл дверцу, свежий воздух слегка опьянил его и немного успокоил. Карета остановилась не в тюремном дворе Петропавловки, а на Большой Садовой. -Теперь куда, -подумал он, -в подвал или все-таки в дом, в кабинет графа?

Конвойным жестом приказал выходить.

-Сударь, прошу выполнить мою просьбу, мне нужно встретится с графом Бенкендорфом и ни с кем другим.

Смерив его пренебрежительным взглядом и брезгливо осмотрев с ног до головы, по всей видимости удовлетворившись осмотром, конвойный с важным видом ответил:

-Граф, как начальник полиции сам назначает время для встреч и вам сударь, как арестованному не мешало бы помолчать, а не высказывать глупые и опасные для вас пожелания.

Предусмотрительно воздержавшись от ответа, Серж вежливо поблагодарил за совет, молча вышел из экипажа и направился за спиной впереди идущего конвойного. Теперь ко-

нец, думал он, впереди солдат, сзади солдат – это конец и если не жизни, то карьеры точно, а это по сути одно и то же. Если граф даст ход приговору и суду чести, то за побег ему грозит дорога на каторгу или в рабство, крепостным к тому же графу. Поднявшись по лестнице на второй этаж и пройдя длинный и узкий коридор, они остановились у двери.

– Меня примет граф? – снова, не выдержав спросил Серж.

– Ох и глупый, и назойливый народ пошел, – буркнул в сторону охранник.

– Мне необходимо передать графу один очень важный документ и лично в руки, непременно лично в руки!

– Раз нужно, значит передадите, – ответил офицер и, отодвинув Сержа в сторону от двери, вошел в кабинет. Конвойный, не высказывая ни малейшего желания разговаривать, опустил глаза и стал напевать себе под нос мелодию. Серж же напротив, с удовольствием поболтал бы с ним, ну хоть узнать к кому пришли, но пришлось созерцать стену. Коридор постепенно заполнялся народом, за окном выглянуло солнце и залило ярким светом сад. Рабочий день у чиновников вот-вот начнется, а у него этот день уже неделю длится. По мундирам пойму к кому меня привели: к жандармам, к судейским или к военным. Хуже, если к судейским, тогда точно конец и граф не заступится, не спасет. Дверь распахнулась и на пороге приемной комнаты появился офицер, который пропустил вперед маленького мужчину в черной судейской мантии и с портфелем под мышкой. Не обращая внимания

на поклоны посетителей и зашелестевший почтительный шепот, они с громким стуком захлопнули за собой двери и молча прошли мимо, направляясь по коридору в соседний зал.

– Нам нужно пройти в другую комнату, там и поговорите о своей бумажке, – проговорил насмешливым голосом конвойный.

– Скажите наконец, меня примет граф или нет?

– Нет.

Сержа повели по тому же длинному коридору в другой конец здания, наконец они остановились перед маленькой дверью. Нежели пыточная, подумал Серж и мурашки побежали по телу.

– Здесь у вас аудиенция, – ухмыльнулся конвойный. Он постучал, приоткрыл дверь и получив разрешение, махнул головой в сторону, как бы приглашая арестованного войти. Серж сделал шаг и невольно остановился, за столом сидел судья.

– Не волнуйтесь, я призван графом не судить вас, а задать вам несколько вопросов и ознакомиться со списком.

Сбросив мантию и оставшись в черном фраке, он подошел к Сержу и протянул руку.

– Давайте список.

Он медленно стал читать и судя по тому, как менялось выражение его лица – этот документ вызывал у судьи живой интерес.

Голубые мраморные стены и каменный черный пол пре-

красно гармонировали с роскошной мебелью. В бронзовых подсвечниках, а их было по десять на каждой стене и стояли они в небольших, бежевого цвета нишах, возвышались белые свечи. В готическом камине плясали красные языки пламени. Яркий солнечный свет, попадающий в комнату из окон, отражался в зеркалах, висевших на противоположной от окон стене и рассеивался, освещая каждый закуток небольшой комнаты. Вероятно, это здание проектировал Растрелли, у князя так же в зеркальном зале, подумал Серж и стал рассматривать судью. Из-за залысин, отчетливо выступающих над высоким лбом, судья казался глубоким старцем, его редкие седые волосы были тщательно прилизаны, а глаза бесцветные. Серж представил себе, как он этими глазами смотрит на многочисленных просителей. Несмотря на свой малый рост и бутылкообразную фигуру, в этом человеке чувствовался властный характер.

Ну вот, у меня снова начинается паника, нужно взять себя в руки, в сущности я выполнил приказ графа, но увы не в полной мере, подумал Серж и унял дрожь в ногах. Завершив чтение, судья взял листок со стола и, начав обмахиваться им словно веером, бросил на Сержа оценивающий взгляд.

–Вы офицер?

–К вашим услугам, господин судья.

–К моим услугам? Ну это вряд ли. Знаете, о чем говорится в третьей статье уложений российской империи?

–Я юрист по образованию.

–Принимали ли вы участие в войне? Если да, то в каких войсках и под чьим командованием?

–Я был военным судьей и возглавлял трибунал.

–Многих осудили?

–Были случаи дезертирства.

–Неужели среди офицеров?

–Нет, солдаты или, если угодно, можно их называть крестьянами. Отчасти помещики и дворяне – офицеры, желающие подзаработать на грабежах в оккупированных войсками узурпатора русских землях. Наполеон пообещал крестьянам землю их помещиков и свободу от крепостного рабства, а те и поверили. Помещики и дворяне, что остались на оккупированной территории, прислуживали офицерам французских войск, но все же помогали русской армии, в меру своих возможностей, в войне с узурпатором, но некоторые переходили к ним на службу, предав родину и императора.

Судья вышел из-за стола и стал рассматривать Сержа со всех сторон, сопровождая косые взгляды ехидным хмыканьем.

–Расскажите какой ни будь показательный случай из своей боевой судьбы.

–Однажды за выпивкой я пожаловался, вот ведь другим дают награды, а я выполняю нелегкую службу и воюю с самого с самого что ни на есть начала войны, одних только смертных приговоров исполнил больше сотни, а никакой награды не получил. На передовой, убей ты противника, получишь

крест или орден, а я разве убиваю не врагов отечества? От меня еще никто не смог убежать и нареканий за свою службу я не имел. Трибунал – это приговор со следствием, как без него, но без всякой обязательной по закону положенной защиты и без всяких состязаний во время судебного разбирательства между защитой и обвинением.

Приговор, как говорится окончательный и обжалованию не подлежит – этот венец правосудия и я прочел его не над одним солдатом, потерявшим веру и в своих, и в французов.

–Вот война закончится и что дальше? –спрашивал меня мужичек с почерневшим от дыма лицом, осужденный на смерть, -придется вернуться к барину, а как иначе? А он до войны с нас три шкуры сдирал и голодом морил, хуже скотины жили. Теперь же, когда его француз пожег, так и вовсе со свету сживет.

–Ты перешел на службу узурпатору, потому как веришь, что он сделает тебя свободным и богатым?

–Он обещал землю и волю.

–И веришь?

–Нет, не верю, но очень хочу. Наш царь даже на обещания не решился.

Потом таких, как этот мужик, потерявших человеческий облик от страха, оступевших от безысходности, со связанными за спиной руками и смешком на голове, я привязывал к столбу или просто ставил перед канавой и, по изменникам царю и отечеству, пли. Я не задумывался по чьей вине поги-

бают эти мужики, просто исполнял свою службу и приближал разгром французов. На могилах таких солдат нет православных крестов или колышков, только ровная невспаханная земля или болото. Я всегда говорил солдатам расстрельной команды: «Чего их жалеть, пусть они сами себя пожалеют. Враги они и достойны казни. Не гневи Бога, не трусь и не предавай, неси свой крест с достоинством и раб ты или барин, будь верным сыном своей родины – защити ее.

–Как ты сам к ним относился? – усмехнувшись спросил судья.

–Я мстил им за то, что эти предатели и рабы осмелились жить рядом со мной, дышать одним воздухом со мной. Каждый приведенный мной приговор наполнял мою душу радостью победы над предательством и малодушием. Я им приказывал умереть, и они умирали. Запомните, говорил я своим солдатам, только обреченный подозревает, что его все обманывают, только мертвец враждебно относится к добрым по отношению к нему поступкам со стороны, Богом, поставленным над ним, барина.

–А сам-то ты не мертвец? Сдается, что ты любое внимание со стороны начальства к своей личности воспринимаешь, как личное оскорбление и в приговорах вмещал всю злобу и зависть за свою отвратительную жизнь. Ведь никто из рабов не потребует объективного расследования, никто не взыщет с тебя за облыжность, прямой оговор или вранье. Ни один начальник не потребует от тебя ответить за лишнюю

смерть ложного предателя.

–Я не боялся убивать рабов и господ предателей. Во время войны я судья и палач надменного графа, такого же солдата, как и его крепостной. Все они рабы войны. Граф Ростопчин, хозяин Москвы, был мной осужден, как предатель, а ведь он только и хотел, чтобы Наполеон не разрушал Кремль. С этим предложением граф пошел к узурпатору, взял у того письмо к императору России и, мечтая спасти от разграбления святая святых, помчался прямо ко мне в руки. Граф в подвале и под пыткой, вот миг блаженства – тело сиятельного графа у меня под ногами...

–Этой смертью ты признался в своем признании к чести, человеческому достоинству и справедливости, разве не так? Тебе ведь нравилось лишать человека жизни, чувствовать себя его господином. Граф ведь не боялся смерти?

–Не боялся – правда.

–Для него честь офицера и дворянина – это невеста в белом платье, этакая недотрога без единого темного пятнышка и поругание чести, для таких как он, значит больше чем смерть.

–Так и есть господин судья, он был горд своей смелостью, своей любовью к отечеству и к императору, но пришло мое время, и я отплатил ему смертью, которую он желал. Я не жадный. Приговор окончательный и произнес его я. Никакого сострадания, я выполнял волю русского народа и императора. Приговор предателю исполнил сам и не имею я право

быть милосердным, слабым и добрым – иначе меня затопчут, как ненужную вещь.

– Да, да, конечно, надо признать, было, – рассуждал этот маленький человек в слух, потом задумчиво посмотрев в список и продолжил допрос, – как вы считаете, сударь, на вас можно положиться? Вам можно верить?.. Ладно, не отвечайте, вы еще не знаете, куда вас могут привести необдуманные ответы. У графа на вас есть свои виды, тем более, что список написан рукой вашей сестры, погибшей княжны Муравьевой. Этот список вы получили не из ее рук?

– Не из ее.

– А не потому ли, что она была убита вами? Впрочем, об этом вы расскажите графу, а меня интересует Кукушкин.

– Списки у вас – это заслуга Кукушкина.

– Кто руководил операцией? Кто отдавал приказы? И наконец, кто осмелился подписать документ вместо графа?

– Санглен.

– Берите бумагу и пишите докладную на имя графа Бенкендорфа, изложите в нем все разговоры со следователем, перечислите всех, кто имел отношение к этому делу и дайте оценку их действиям. Постарайтесь перечислить всех, кого видели и о ком слышали. Объясните, для чего понадобилось подделывать приказ, дающий неограниченные полномочия и подписанный якобы Бенкендорфом? Пишите.

– Этот документ князь вручил не мне, а корнету своего полка.

—Князь собственноручно передал корнету сей документ?

—Я не видел. В это время я сидел в камере подземелья княжеского дворца и услышал о нем от Кукушкина во время допроса.

—Вот об этом поподробнее.

Когда Серж закончил писать, чиновник взял бумагу, прочитал не спеша и улыбнувшись, позвонил в колокольчик. Зашел конвой.

—Отведите в камеру. Сегодня, быть может, с вами пожелает встретиться граф.

За окном уже стемнело и слуги зажгли свечи в коридоре. Его отвели в подвал. В камере было не так сыро, как в подземелье княжеского замка, но приятного конечно мало. Серж уже почитай сутки ничего не ел, а кормить заключенного похоже не собирались.

Князь хоть кормил своих узников и неплохо, надо сказать, злился Серж. Уже была глубокая ночь, когда Салтыкова вызвали на допрос и вывели из камеры. Его провели по узеньким полутемным коридорчикам, а для острстки завязали глаза. Конвойный положил руку на плечо арестанта и остановился. Повязку сняли сглаз, но Серж все равно ничего не видел, перед глазами плыли черные круги. Конвойный слегка подтолкнул его и Серж бессознательно сделал шаг вперед.

—Закрой дверь! —прозвучал хриплый голос.

Бледный свет от свечей, который проникал из коридора в этот черный кабинет, пришлось перекрыть массивной две-

рю. Серж погрузился во тьму и на секунду исчезли все звуки, вязкая тишина была разорвана звуком падающей ткани и вдруг яркий луч света вспыхнул, ослепив его и парализовав тело. У меня было несколько секунд смерти, пронеслось в голове у Салтыкова. Послышался звук отодвигаемого кресла. Серж закрыл глаза руками, пытаясь спастись от режущего света, исходящего от большого фонаря – вероятно в десять свечей.

–Стой смирно.

Серж опустил руки и еще сильнее сжал веки, но свет проник внутрь головы, вызывая боль и резь, даже при закрытых глазах.

–Говори, я слушаю, – и он прикрыл маленькую дверь, которая вела в комнату, где прятались тысяча солнц, -представь, что ты говоришь с мятежными солдатами и призываешь их восстать против царя... У меня нет времени тебя уговаривать, я слушаю.

В памяти Сержа моментально возник силуэт подвыпившего офицера Семеновского полка, читающего прокламацию мятежников.

–Мы хотим дать вам мир; сильное государство; закон, защищающий вас от беспредела власть имущих. Мы гарантируем мирную жизнь, но не будем преклоняться перед французом и заставим уважать наше отечество и французов, и англичан, и австрийцев. Обещаю, что, как только мы избавимся от царя и его прислужников, ни один человек в России не

погибнет и не умрет от голода и рабства.

Война закончилась, а что лежало в основе этой бойни? Прежде всего презрение к закону, как и в любом другом преступлении, где кто-то желает ухватить побольше себе. Страсть к наживе убивает все остальные чувства в таком человекоподобном существе, потому как человеком в полном смысле этого слова он уже не является. И если на пути к наживе этому существу попадется хоть кто ни будь, оказывающий вору сопротивление, то он пострадает обязательно и на это преступнику наплевать. Особенно жаль, если на его пути попадутся целые сословия, которые недостаточно сильны, чтобы остановить обезумевшего. Его не посадят в сумасшедший дом – он власть; его не осудят, как убийцу – он лично никого не убивал; его не заклеят позором в собственной стране и не отвернуться от него соотечественники – их жизнь полностью зависит от законов, которые написал этот маньяк.

Война – это глобальная катастрофа для всех жителей Земли, но если присмотреться, то в ней виноваты конкретные люди и дело касается частных преступлений. Мы ратуем за закон и есть люди, которые имеют возможность покарать преступников, не взирая на чины и положение. И всякий раз, когда я притяну такое ничтожество на ваш суд, а после запихну его в тюрьму, где ему самое место, люди, во всяком случае, пострадавшие от вора, начинают верить, что закон их охраняет и в них вновь оживает желание совершать добрые

поступки. Таким образом в человеке воспитывается уважение к закону и вера в справедливость. Нельзя же жить по справедливости и не хотеть того же для других, поэтому каждый, мною арестованный преступник, наделенный властью – возвращает пострадавшего от него человека к Богу, к любви, к родному государству. Наказание воспитывает уважение к закону и тогда законопослушных граждан становится больше. Когда мои друзья и я добьемся этого, то получим не человекоподобное существо во главе государства, а правителя, уважающего права своих граждан, законы международного права и законы других государств. Нельзя жить по справедливости и не хотеть того же для других. Войны начинают те, кто не уважает ни свои, ни чужие законы. Дуракам закон не писан.

–Хорош, садись.

Штора отдернута и в кабинет проник мягкий лунный свет. Слуга, открыв дверь и войдя с зажженной свечей в руке, установил ее на столе, за которым сидел жандарм. Салтыков оказался лицом к человеку, от которого зависела его жизнь или смерть. Сев на предложенный стул, он успокоился и даже приобрел уверенность в своей нужности. Еще поживу и послужу, подумал Серж и решил осмотреться: довольно большой ковер на полу; стены, по всей видимости, отделаны красным деревом; на белом потолке герб. В кресле сидел пожилой и полный мужчина, вероятно сильно пьющий, об этом говорили синие круги под глазами, опухшее с красны-

ми пятнами лицо и отвислые, фиолетового цвета, щеки. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и барабанил пальцами по столу, его лицо подрагивало в нетерпении.

– Можешь себе налить, а на закуску ты еще не заслужил. Какой-то ты щуплый, маленький и невзрачный. Я представлял себе кого ни будь по представительней.

– Я ...

– Ну что же, слушай меня внимательно, а там поглядим. Твоя сестра была близка к заговорщикам, но погибла и мне кажется, что ты принимал в ее убийстве не последнюю роль. Скажи мне, как ты оказался на службе у Санглена? И не торопись, рассказывай подробно.

– В феврале 1812 года мою сестру вызвал к себе Санглен, она только вернулась из Парижа, куда сопровождала князя Волконского, посланного императором с дипломатической миссией. По сведениям Балашова, в Риге активизировалась разведка Бонапарта. Необходимо было прибыть в Ригу и, подружившись с местным дворянством, войдя к ним в доверие, раскрыть их преступную связь с разведкой французов. По данным нашей военной полиции, которую с недавних пор стал возглавлять Санглен, в ближайшее время именно в Риге стоило ожидать активных действий бонапартистов. Все шло к войне. Деятельность шпионов и сторонников Наполеона должна быть под нашим неусыпным наблюдением, так выразился Санглен.

– Вероятно мне придется стать в ряды агентов Бонапар-

та? –спросила моя сестра.

–Непременно.

–Я считаю, что меня должен сопровождать слуга, который будет достаточно образован, хотя бы владеть несколькими европейскими языками: немецким, польским, французским и итальянским. Этот молодой человек должен понимать меня с полуслова, с полувзгляда. Должен подчиняться мне беспрекословно и при этом быть инициативным, но под моим присмотром. Он должен быть учтив и обходителен с барышнями, смел и дерзок, но не до безрассудства, с офицерами. Он должен мастерски владеть шпагой, метко стрелять; в общем стать моей охраной и одновременно душой местного общества. Только в этом случае я буду принята и оценена по достоинству, по слуге судят о самой госпоже.

–Я так понимаю, у вас есть кандидат на должность слуги?

–Да – это мой брат. Мы абсолютно не похожи друг на друга, но я доверяю ему, как себе.

–Согласится ли он прислуживать вам?

–В настоящее время он припадает в университете, но ему грозит отставка в лучшем случае, а то и суд. Служба у меня спасет его от возможного ареста и сохранит репутацию.

–Что послужило поводом для передачи дела в суд?

–Родители его учеников подали жалобу в полицию, он требовал деньги.

–Как его зовут?

–Серж.

–Мы не можем ставить под угрозу вас и задание. Серж не вызывает у меня доверия, за деньги он продается французам и ваша миссия будет провалена.

–Вы правы генерал, Серж непременно им продается, Впрочем, как и я. Он и только он может сопровождать меня в этой поездке, за несколько дней не вы, не я не найдем человека, который понимал бы меня и чувствовал, как Серж. За его верность отечеству я ручаюсь. Он мне нужен Яков Иванович.

–Сестра спасла меня от суда и вот я в Риге, такой тихой и пустынной после Петербурга. Мы приехали в Ригу из Пруссии и привезли рекомендательное письмо жене графа Коссаковского. Дело в том, что граф, известный своим взрывным характером, панически боялся жены. Эта сухая, плоскогрудая немка, говорящая тихим гортанным голосом, наводила ужас на своего мужа. Наше положение зависело от ее благорасположения. Она определяла кто будет вхож в ее дом и держала отобранных ею под своим контролем. Жена Коссаковского приняла нас дружелюбно, ведь разговаривали мы с ней исключительно на немецком.

Дарья передала в руки четы Коссаковских листок с текстом – это было обращение Бонапарта к своим солдатам. Графиня была в восторге от скорого освобождения из-под иго русских. Я весь вечер играл романтическую музыку, у них прекрасное пианино. Со мной говорили на итальянском, французском, а граф вел беседу исключительно на польском

– проверку мы прошли достойно, были приняты в доме графа и покорили сердца барышень и господ офицеров. К концу вечера граф показал нам патент полковника французской армии на свое имя, кстати подписан он был самим Бонапартом. Дарья отвлекла их внимание и дала мне срочное поручение. Пока женщины занимали все внимание мужчин я снял копию с этого документа и Санглен получил первый результат нашей работы.

Вскоре мы узнали, что в Ригу приезжает посланник Наполеона, его адъютант граф де Нарбонн. Это серьезный противник, хитрец, каких мало и с ним вести игру очень опасно. У нас была надежда на ум и красоту Дарьи, мои способности, которые, как мы надеялись заинтересуют Нарбонна. Надеялись, что я стану ему необходим, на природно-аристократическую самонадеянность француза и на нашу репутацию, подкрепленную авторитетом графа Коссаковского.

Мы доложили Санглену о приезде посланника. Нарбонн вез письмо русскому императору от Бонапарта о мире, но, как мы подозревали – эта миссия его была мнимой. Санглен приказал встретить Нарбонна на границе и сопровождать графа в Ригу, объезжая все русские полки, расквартированные в Прибалтике. Граф же попросил Коссаковского выделить ему офицера для связи на все время пребывания в России. Так я стал служить у графа де Нарбонна.

Жена Коссаковского предложила сестре поселиться у них в имении, там же остановился и Нарбонн. С этого дня и по-

сланник Наполеона, и бонапартисты Риги были под постоянным нашим наблюдением. Я сделал копию инструкции, которую граф Нарбонн привез с собой, в ней говорилось, что граф Коссаковский со своими людьми должен наблюдать все передвижения русских войск, фиксировать строительство новых крепостей, организовывать акты саботажа и акты прямого, если возможно, вооруженного сопротивления русским. Об этой записке Санглен доложил императору. Сестра стала одним из руководителей ячеек сторонников Наполеона в Риге и не самым тихим и миролюбивым. Нам удалось раскрыть сеть французских шпионов в Вильно, Риге, Витебске, Смоленске и Петербурге. Граф Нарбонн вел интенсивную переписку с бонапартистами в этих городах, а я делал с них копии и пересылал Санглену.

В Варшаве, куда я отвез письмо графа, я встретился с мужчиной, не назвавшим свое имя, только пароль. Лица его я не смог рассмотреть, шляпа и темный плащ, которым он закрывал не только свою фигуру, но и лицо, стали тому причиной. Он был высок, молод и имел офицерскую выправку. Шпион отвел меня в пустынную часть аллеи и передал небольшой сверток. Адрес не был написан на свертке, однако незнакомец потребовал передать этот сверток Румянцеву от императора Франции.

Николай Петрович Румянцев – канцлер России и главный председатель Государственного совета, как мог он, в канун войны, заигрывать и вести переписку с узурпатором. Пре-

дательство графа Румянцева было раскрыто моей сестрой и мной. Думаю, мы предупредили заговор против императора России. Граф Румянцев не был арестован, но император отстранил его от дел и лишил своего доверия, а в завершении всего, после разговора Румянцева с императором, с ним произошел нервный срыв, вследствие чего граф потерял слух и возможность адекватно оценивать окружающий мир. Бывший канцлер России превратился в шута.

Мы были раскрыты и вынуждены бежать из Риги. Скрываясь, мы потеряли друг друга из вида, а тут и война началась. С Сангленом я не смог встретиться, но с его поддержки и по его протекции, я получил назначение на должность судьи в трибунале, слава Богу, образование позволяло. Никаких известий от сестры я не имел и, лишь после войны, посетил имение ее почившего мужа. Хозяином имения стал ее сын, который сам толком не знал где находится мать, а Дарья, овдовев второй раз, жила под Смоленском. Имение богатое, больше тысячи крепостных и никакой службы в контрразведке. Я встретился с ней и стал свидетелем инцидента, да просто скандала, прогремевшего на всю Россию. Неужели не слышали?.. Дело дошло до самого императора, и Дарья была вызвана в Петербург для дачи показаний.

—Как ты сам думаешь, неужто крепостное право так уж губительно для России? Насмотрелись на Европы, чтоб их... Наполеон не так мне кажется был страшен для России, как эти бунтари.

–Крепостное право – это самое хорошее и светлое, это мудрость народа и патриотизм, закрепленный на бумаге. Человек по крепостному праву связан с землей-матушкой не только чувством долга, но и документально. Это наша история и, если мне предложат вычеркнуть четыреста лет нашей истории, я говорю: «Братцы, так вы что же думаете, что наши предки были дураками?»».

–Затараторил и не остановить ведь, однако трепаться ты мастер. Я веду расследование по приказу сиятельного графа и хочу знать, как ей удалось избежать опалы и суда? Рассказывай все, что произошло. Ты ведь на подозрении. В результате ее убийства надеялся получить кое какой капиталец?

Дарья Салтыкова с любопытством посмотрела на указанное ей место. Если дознаватель думал, что может ее поразить или напугать своими уловками, то он ошибается. Напрасно он на что-то рассчитывает, Дарья не так глупа и уже приняла некоторые шаги для своей защиты. У нее сильные тылы и нечего тушеваться перед этим червем.

–Я плохо себя чувствую и хотела бы перенести нашу беседу.

–И кто же засвидетельствовал ваш недуг?

–Врач князей Галицких.

–Все же я прошу вас дать ответ на один вопрос, не зря же вы проделали такой путь. Надеюсь вас это не затруднит.

–Пожалуй, но я отвечу, если вы не будете пересекать черту

дозволенного.

–Ни в коей мере госпожа Салтыкова.

Салтыкова смотрела на дознавателя в упор – это не человек, это силуэт, похожий на человека, которому придется заплатить, но оно того стоит, за эту мизерную плату будут решены все проблемы, шутка ли, ведь до императора дело дошло. Высочайшим указом велено провести следствие.

Кресло, в котором сидел дознаватель, стояло симметрично окну и выделялось на его фоне в контрастном свете. Дарья даже не могла сказать – сколько ему лет, старик он или нет, с этими мыслями Салтыкова положила свой зонтик, на который она опиралась словно на трость с тех самых пор, как вошла в этот кабинет, себе на колени. Дарья откинулась и непринужденно улыбнувшись, начала рассказывать. Сперва у нее ничего не получилось, она пыталась угадать – сколько лет этому человеку и как-то не вязались ее мысли о возрасте дознавателя с тем, что предстояло рассказать этому силуэту, но вскоре Салтыкова взяла себя в руки и речь ее полилась, словно вода из водосточной трубы во время ливня.

–Как вы уже вероятно знаете, в декабре к императору поступила жалоба от моих сорока крепостных крестьян, вы конечно же ее читали. Я вынуждена была написать объяснение своим действиям.

–Да, я читал, но принеся вам самые искренние извинения, я вынужден госпожа Салтыкова просить вас самой поведать мне о произошедшем, из первых рук, так сказать.

—Они заявили о якобы моих, как они выразились, чудовищных злодеяниях. Удивляюсь и откуда слов таких только набрались, не иначе, как дворян читать книжки начала. Дворовая девка моя, если не ошибаюсь, Максимова, неряха, каких еще поискать... Хочу вас спросить, скажите на милость, когда скотина не подчиняется вам, вы как поступаете? Ну лошадь не туда повезла, куда вам надо было.

—Плеткой ее и шпоры, чтоб не баловала и голову свернуть ей в ту сторону, куда бежать должна.

— Уже не помню, какое отдала распоряжение дворовой девке, но знаю, что она его не выполнила — вот я скалкой и надавала этой девке по голове ее тупой, но она никак не отреагировала. Тогда я взяла свечу и поднесла огонек к ее волосам, ну а те конечно вспыхнули, но видит Бог, я не хотела, чтобы она умерла, как-то случайно все вышло. В гневе я была.

—Конечно госпожа, когда вспылишь, то ненароком и убить можешь, по себе знаю. По мне, так сие не наказуемо должно быть, а напротив, по-моему, достойно понимания. Но ведь это не все?

—Девоч своих, кои возмущаться начали смертью подруги своей, -продолжала Дарья, -Герасимову, Артамонову, Осипову и ее двенадцатилетнюю дочь Прасковью, велела конюху сечь розгами.

—Прошу, не волнуйтесь так, девки-рабыни не стоят того, испейте воды.

—После наказания они должны были вымыть полы, но эти дуры валились с ног и еще больше их запачкали, а попробуй кровь отмыть, конечно я осерчала пуще прежнего, схватила палку и отлупила их как следует. Осипова эта возьми и свались на ковер, а он у меня дорогой, персидский и с высоким ворсом. Я приказала ее вынести во двор, и чтобы она охолонула, велела раздеть и выставить на мороз. Так она мерзавка в платок укуталась, я так и не дозналась кто из крепостных ей этот платок вынес. Тут уж я не выдержала и вновь схватила палку, потом конюху приказала занести ее в сени и прислонить к углу. Я из горницы выхожу, а девка лежит на полу, померла стерва. Агафья, постельничная девка, давай голосить, да так громко, что у меня разболелась голова. Я ее схватила за волосы и ударила головой о стену. Жена конюха, что стояла рядом, попыталась меня остановить и все норвила схватить меня за руки. На мое спасение под рукой оказался утюг, вот я им и размозжила ей голову. День какой-то тогда выдался неблагополучный. Феодора, подруга жены конюха, бросилась к ней, а после так взглянула на меня, что я вынуждена была конюху приказать бить ее нещадно и до смерти. Нельзя крепостным так смотреть на свою хозяйку. Вы со мной согласны?

—Конечно госпожа, им только дай волю.

—Конюх ее хлещет, а она стонет, так ему жаль ее стало и мне пришлось его самого подгонять, ведь не старался выполнить свою работу, как должно, так я его палкой, палкой. Ко-

нюху-то ребра я поломала тогда со злости. Хочу у вас теперь спросить, а как попала сия жалоба к императору?

—Когда ваши крестьяне повезли хоронить всех убиенных вами в тот день, то на грудь одной крепостной, не помню уж как ее зовут, положили сверток, а он возьми, да и заори дорогой. Ребенок это был, а жандарм, что по случаю своей службы проходил мимо этой телеги, услышал и остановил крестьян, мало ли, дорога на кладбище ведет, а у них ребенок приготовлен, может хотят живьем захоронить, кто ж их знает. Пока разбирались, что да как, ребенок и орать перестал, а когда развернули, он уж мертвый оказался. Офицер забрал всех крестьян в холодную, допросил их честь по чести и составил жалобу в сенат. Однако не беспокойтесь, господа сенаторы, нужно сказать, заколебались были выносить осуждающий вас вердикт, не хотят они огласки, да и поведение ваше вполне объяснимо на мой взгляд. А вот среди дворян разные люди встречаются, разговоры ведут недостойные образованных русских людей, желают, дурь наша российская, крепостное право отменить.

—Так, а как же иначе в России править? Неужели придумали, как без крепостных жить можно?

—Вот и я думаю, что никак иначе жить невозможно. Офицеру жандармскому пришлось к жалобе своей приложить отпечатки пальцев ваших крестьян, которые и предстали перед светлые очи сенаторов. Господа сенаторы вынесли решение: за убийство невинного младенца выпороть крестьян госпожи

Салтыковой, допустивших эту смерть. Скажите, ваши крестьяне и раньше ходили в столицу в надежде подать на вас жалобу?

—Да, были случаи побега из-под кнута.

—В столице мы вынуждены были их вылавливать, бить кнутом и возвращать вам, так?

—Так.

—Теперь же произошло непредвиденное, крестьяне ваши умерли от побоев, и мы их вам вернуть не сможем.

—Так меня сюда вызвали, чтобы извиниться за причиненный мне ущерб?

—Не совсем, видите ли, пошли разговоры о бесчинствах помещиков и эти разговоры приобрели, я бы сказал, не желательный размах среди дворян, свободного люда, подлых людишек и крепостных. Смута назревает, а ваша история приобрела, уж очень не вовремя, большую известность. Император приказал наказать вас и процесс над вами должен предостеречь владельцев крепостных и подвести их к более гуманному отношению к своим крестьянам, то есть их величество предлагает относиться к своей собственности более бережливо. Ведь, если верить жалобе, то в тот день вы убили семь десятков крепостных.

—И что? Это ведь моя собственность и меня же, за желание соблюсти законы страны, поддержать порядок и не дать этим скотам взбунтоваться, еще и осуждают?

—Ни в коей мере, что вы, Господь с вами. Все уважаемые

дворяне, герои отечества, проливающие свою кровь в прошедшей войне, да и сам император...

—Я состою в близком родстве с князьями Нарышкиными, Голицыными и Маковскими, неужели император меня осуждает, да за что?

—Ознакомьтесь, что подписал император, прочитав докладную записку по вашему делу.

—Указ: «...которые люди и крестьяне в должном у помещиков или у дворян повиновении не останутся и недозволенные на господ своих челобитные подавать вздумают, а наипаче попытаются в его императорские собственные руки подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители наказаны будут кнутом и будут ссылаться на вечную работу в каторгу. Утверждаю права помещиков и дворян на крестьян крепостных, как на частную собственность и даю защиту им законодательно от возможных протестов и неповиновения. А в случае бунта приказываю использовать военную силу, войскам пресекать бунты по первому требованию будь то помещик или дворянин...».

—Я хочу спросить, а будет ли мне компенсация за причиненный ущерб?

—Какая компенсация сударыня и от кого, позвольте спросить, вы ожидаете компенсации?

—Ведь я пострадала материально и потеряла работников не только тех, которых сама забила, но и тех, которые померли от полицейских плетей.

—Государь защищает вас сударыня от бунта и неповиновения ваших же крестьян, также император дает вам защиту от осуждения общества, но позвольте обратить ваше внимание, что в указе ни о какой компенсации не говорится вовсе. Не правда ли...?

Наступившее молчание вызвало у Дарьи легкое признание, вообще она никогда не теряла самообладания, когда разговаривала с многочисленными высокопоставленными чиновниками, хотя иногда ей, ой как хотелось вцепиться в глаза какому ни будь молодому отпрыску Муравьевых, особенно, когда он, сморчок зеленый, начинал с ненавистью говорить о господах, что продают своих крепостных на ярмарках и площадях вместе с сеном, лошадьми и коровами...

—Я вас не услышала, простите, задумалась.

—Вы не хотели бы вернуться на службу?

— О какой службе речь? Я вся во внимании.

—По вашему покойному мужу вы приходитесь родственницей многим уважаемым фамилиям России, но увы — живете, хоть и не далеко от столицы, но очень далеко от общества гвардейских офицеров, а с вашей красотой они приняли бы вас в свой круг с радостью.

—Да — это так.

—Не хотите ли выйти замуж еще раз?

—Неожиданное предложение и странное, надо сказать. Я никак не ожидала услышать нечто подобное от полицейского чиновника.

–Вы выйдете за престарелого в отставке гусара и князя, между прочим. У него собираются не только старики, но и молодые дворяне самых известных фамилий. Генерал сей создал в полку, расквартированном на его землях, тайное общество. Вам надлежит собирать сведения, которые смогут заинтересовать полицейский департамент.

–Вы думаете, что я буду принята в семью князя, кстати не Муравьев Николай Николаевич ли этот князь?

–Он сударыня и когда-то был влюблен в вас, не правда ли?

–После всех слухов обо мне, вы верите, что я смогу запросто присутствовать при антиправительственных разговорах? Кому же я должна передавать эти сведения?

–Вы все узнаете чуть позже.

Так и было закрыто дело об избиении и массовой гибели крепостных графини Салтыковой. Ее спасло согласие вернуться на службу и стать тайным агентом третьего отделения, которое было подчинено графу Бенкендорфу.

Дарья шла по жизни безмятежно и на сегодняшний день, слава Богу, все как будто обошлось. Взять в приемники своему покойному мужу еще одного неврастеника, да еще и капитал его можно прибрать к рукам, это по мне – думала Дарья. Все сразу иметь невозможно, а я буду, особенно если государь того хочет. К тридцати годам уже понимаешь, что, если достанет ума, можно иметь мужа для выходов в свет и пользоваться абсолютной свободой при этом. Княжна Салтыкова сможет себе позволить придворного художника или

музыканта, о котором будет знать сам император, для утех же можно купить красивых крепостных парней, а чуть что – запорю на конюшне и слова никто не скажет. Перед ней, как говорила, смеясь сестра, доверчивый и без памяти влюбленный в нее когда-то осел.

Дарья, чутьем опытного охотника, сразу же распознала и была уверена, что Муравьев станет делиться с ней мыслями о несправедливости государственного строя без боязни и скромности. Он не может существовать иначе и будет до самого своего конца искать способы борьбы с крепостным правом, а я стану свидетелем его предательства. Если все факты бунтарских настроений в его полку слепить воедино, то это будет систематическая антироссийская подрывная деятельность и он вовлечет в нее всех своих офицеров. Нужно воспользоваться моментом и стать княгиней. Дарья была уверена, что стоит генералу увидеть ее вновь и страсть к этому жалкому старику вернется с прежней силой. Любовь способна закрыть его разум, и он выложит все свои планы, не допуская мысли о провокации с ее стороны. Он просто не поверит тому, кто попытается ее опорочить перед ним и данной ему властью уничтожит доносчика, будь он даже его собственная дочь.

Дарья смеялась, -представляешь, -говорила она мне, -сидят эти далдоны, его офицеры и слушают, как замороженные сказки о свободе, равенстве и никакой реакции. Никто не оспорит и не осудит поношения на царя и государство, за

которое они еще вчера воевали. Хорошо, что среди них был осведомитель Бенкендорфа, нашелся хоть один умный, иначе бы граф даже не вспомнил о моем существовании.

Сестра прожила больше года в имении князя Муравьева прежде чем был назначен день свадьбы. Дарья передавала мне все антиправительственные разговоры, которые вели офицеры полка. Казалось Бенкендорф должен быть доволен результатом службы Дарьи, да и ей самой грех жаловаться, миссия, можно сказать, была выполнена, но у сестры появились свои планы в отношении Муравьева.

Нельзя сказать, что у Муравьева, который достался Дарье, много денег, семья сколь богата, столь и многочисленна. Зато теперь у нее есть: красивый дворец с парками и фонтанами; с десяток дорогих крепостных, способных составить ей целое состояние и довольно солидный капитал, подаренный князем. Этот неисправимый правдолюб и олух желает высказывать свои мысли вслух и ни где ни будь, а непременно в тайных обществах, а граф Бенкендорф щедро платил за информацию. Испытывала ли сестра злость? Пожалуй, нет, у Дарьи не было ни гнева, ни раздражения, она ощущала вкус добычи и это чувство наполняло ее душу и желудок невообразимой радостью.

— Дайте мне вашу руку, — с трепетом в голосе попросил Муравьев, когда они на террасе пили чай с малиновым вареньем, — нет обе руки. Дорогая сегодня к нам придут драгуны, они тебя боготворят.

Дарья вытянула руки так, словно что-то отталкивала от себя и посмотрела на Прохора, свое недавнее приобретение. Он стоял у колонны особняка и наблюдал за госпожой. Прохору всегда было приятно особенное положение среди дворни, но сегодня его бил озноб. Стешка поведала сплетню о новой госпоже. Прохор не верил этим слухам и не хотел даже думать о тех ужасах, которые рассказывала всезнающая Стешка.

Какая все же Дарья красивая, настоящая княжна. Прохор, по воле своего первого барина, закончил академию художеств в Петербурге, писал портреты помещиков и дворян. Не часто встретишь столь прекрасную женщину, как Дарья, она держалась так, словно приобрела всю землю в свою собственность. Грациозна, стройна – Прохор написал десятки портретов, но ему еще не встречалось такое милое лицо. Нежные черты княжны захватывали дух, и Прохор боготворил любимую, -Ангел, -шептал раб. Губы его сжались, как-то чувствовать себя приложением к кому-то, забыть про себя и грезить барыней неземной красоты. Платье ее подчеркивало стройность фигуры, а белый цвет придавал черты безупречной жизни. Золотисто-каштановые волнистые волосы рассыпались по плечам, и эта лучезарная улыбка ангела брала в плен искушенного женской красотой художника. Он хотел подойти и даже сделал первый шаг, но она поднесла пальчик к своим губам. Прохор постоял еще несколько блаженных секунд и побежал к сеновалу.

В день венчания, рано утром Дарья осчастливила своего жениха, представ перед ним в чудесном подвенечном платье. Из ее покоев в зеркальный зал, где князь восседал на своем троне во главе празднично убранного стола и за которым сидели его однополчане гусары, торжественно вел красавец офицер.

Драгун рассмеялся и подумал, что раньше они с Дарьей откровенно кокетничали и весело баловались друг с другом, а теперь, когда их окружают молоденькие барышни, дочери помещиков, соседей князя, разодетые словно куклы и когда он ведет ее, под их пристальными и восхищенными взглядами, под венец – взять и поцеловать ее на глазах у старого жениха. Князь непременно вызвал бы его на дуэль, конечно же его убью, но нам придется бежать и, скорее всего, в Польшу. Нет, не сейчас, а когда она станет княжной. Дарья не простит мне, если своим безрассудством лишу ее княжеского титула, но убить старого мужа и преподнести молодой княжне свободу – было бы чудесно. Князя я успею застрелит и после венчания. Я понимаю ее, как никто другой, а она влюблена в меня, как кошка. Я не только посвящал ее в некоторые планы нашего общества, но и советовался по части дипломатического подхода к вновь прибывшим в полк молодым офицерам, дабы приобщить их к святой борьбе с крепостным правом. С замиранием сердца Дарья слушала о счастливом будущем России, которое кружит головы и вдохновляет на подвиг и она, чуть ли не потеряв сознание, прижималась ко

мне.

Драгун не сомневался, что Дарья разделяет не только его мечты, она понимает мятежность его души, испытывает вместе с ним ненависть к узурпаторам и изуверам, невидящих в своих крепостных полноценных людей, созданных по образу и подобию Христа. Он, высокий и стройный молодой человек, выглядел просто замечательно, когда они зашли в зал, где был накрыты столы и одно из больших зеркал отразило их, подумал, мы представляем собой прекрасную пару, хотя она и старше меня, но возраст не властен над ее красотой и над ее душой. Никто и никогда бы не сказал, что Дарья старше своего блистательного драгуна. Как только невеста вошла в зал, гусары вскочили со своих мест и трижды прокричали виват. Зазвенели бокалы, и князь вывел свою невесту из дворца. Впереди было венчание, и генерал разрешил офицерам выпить не больше одного бокала вина.

Дарье непременно нужно было переговорить со мной, но драгун просто преследовал сестру, по приказу князя он должен был оберегать честь невесты до начала венчания.

–Серж, иди к нам. Познакомьтесь – это мой брат, он в гражданском платье, но Серж офицер. А этот молодой и красивый человек – офицер полка, в котором мой муж был командиром всю свою жизнь.

–Дорогая, а Натали и Софи где? Что-то я не вижу их.

–Серж чувствует нежную привязанность к дочерям моего мужа от первого брака.

–Вам удалось завоевать сердце хотя бы одной из дочерей генерала? –спросил драгун у меня.

–Натали божественна. Дарья привезла меня, дабы познакомиться со своей новой семьей, девочки тогда жили здесь...

–И Серж проводил все свободное время от службы в этом дворце. Мы с братом вас покинем на время, нам необходимо переговорить.

–Еще раз извините, когда мы вернемся, то обязательно выпьем с вами клико за знакомство.

Дарья быстрым шагом уходила по коридору и мне пришлось чуть-ли не бежать за ней.

–Как прошла встреча, дорогой брат?

–Обо мне доложили, но я не стал дожидаться лакея и поднялся в ее покои.

–Рассказывай, не томи. Ты же знаешь, что я ненавижу все эти условности. Я буду молчать, слушать и думать.

–Когда я вошел в спальню, то сразу поймал ее сердитый взгляд. Причешись и умойся, сказал я, а потом посветишь меня во все семейные тайны. Я жду.

–Мне все равно, как я выгляжу и видеть тебя – это самое ужасное событие, что могло произойти за сегодняшнее утро, –ответила Наталья.

Но я увидел, что ее вспышка ненависти уже прошла.

–Честно говоря я не ждала тебя так рано, хотя конечно, ты уже виделся с Дарьей, и она рассказала, что произошло. Так ты виделся с ней?

–Нет еще.

–Ты приехал на свадьбу своей сестры, а поэтому тебе придется поехать в имение моего отца.

–А что ты имеешь ввиду, когда говоришь, что мне придется туда поехать?

–Дарья – это причина. Ты знаешь, как она смотрит дом? Какие порядки теперь в моем родовом имении?

–С ее слов я понял, что там царят дух взаимной любви и твой отец очень доволен.

–Ты считаешь, что Дарья в состоянии принести в дом любовь? У нас с Софи был учитель француз, батюшка его очень любил. После приезда Дарьи в дом, он покинул имение и вообще уехал из России.

–Что так?

–Он оставил отцу записку, я, прежде чем передать ее отцу хочу поговорить с тобой.

–Серж, она отдала тебе записку этого француза? –спросила Дарья.

– Ты же обещала молчать и слушать. Просто дала почитать.

–Она у тебя?

–Конечно нет, но не беспокойся, ничего страшного, просто французик истосковался по своей родине, а ты ему напомнила его невесту, вот он и рванул в свою Францию.

–Значит от Натали не нужно ждать сюрпризов?

–Будь покойна сестричка, она хоть и вынуждена приехать

на свадьбу и ненавидит тебя, но она не дура и побоится, да и не захочет скандала на свадьбе отца.

—Ты меня успокоил, я к гостям.

Серж невольно вспоминая свою встречу с Натали, достал из кармана записку от француза и стал перечитывать.

«...Какие только предосторожности я не предпринимал, чтобы не быть свидетелем истязаний крестьян, все эти ужасы начались после приезда новой барыни. Крестьяне когда ни будь подожгут их дворец. Избиения крестьян так часты и обычны для нее, что это непереносимо, сплошь и рядом слышишь крики несчастных жертв новой госпожи. Как хозяин их не слышит, ума не приложу. Столько раз я уже проклял себя за знание русского языка и каждый раз, когда я вновь слышу, как барыня отдает приказы о наказаниях, у меня начинаются спазмы и боли в голове. Я был свидетелем ни одной такой расправы, барыня любит бить наотмашь башмаком по лицу крепостных девушек, а сегодня ночью, недалеко от флигеля, в котором я живу, госпожа приказала высечь десять молодых крестьянок. Я из окна видел, как их раздели и секли розгами, Дарья сама брала в руки плеть. Новая госпожа больна, она получает удовольствие, избивая и убивая людей...»

—Ну что, прочитал? Это еще не все..., возмущалась Натали.

—Натали, крепостных просто необходимо держать в страхе, а твой отец добрый и славный, вот ему и садятся на го-

лову крестьяне.

—Отец ничего слышать не хочет о ее зверствах, он из себя выходит, когда ему сплетничают о Дарье, а на голову ему никто и никогда не садился, во всяком случае до приезда в наш дом Дарьи.

—Сестра поступает по закону, который сам Петр учредил. Ты то должна знать это?

—Но ведь она насильничает не только над крепостными.

—Ты это о чем?

—Дарья обещала отцу, что он станет богаче, только пусть дескать доверится ей. У отца было пять сотен крепостных и заметь, он не помещик-крепостник. Основной капитал отца с наследства и пенсия, как боевому генералу, кормится отец с мельниц, каждому мука надобна, вот и платят, чтобы зерно перемолоть. Отец в округе все мельницы скупил. Так вот, было пять сотен крепостных, а теперь больше тысячи. Удивлен? Дарья разбоем промышляет. Она привезла мужиков с собой, посадила их на коней и стали в губернии пропадать свободные и работающие люди. Теперь по дорогам не ходят крестьяне, только те, которые ничего не ведают.

—Ты хочешь сказать, что их ...

—Да, теперь они крепостные у моего отца.

—Да не может быть.

—За раба идущая, рабой становится, а мужик, что обвенчался с крепостной, сам становится крепостным. Дарья вольных людей, которых ловит на дорогах сперва держит в под-

вале на одной селедке и воды сутками не дает. Через неделю другую они готовы обвенчаться хоть с чертом. А крепостных она и не спрашивает. За прошлый месяц поп обвенчал четыреста пар в нашей деревне. Батюшка очень доволен был такому прибытку. Спрашивает у крестьянок, как за муж выходили – по жребию, али по любви? А как это по любви? Ну как вы не понимаете, -воскликнул батюшка, -ну значит по страсти. По страсти, оживились крестьянки – это мы понимаем, известно, как, кого барыня назначила в мужья, за того и иди. А если заупрямишься, то враз барыня затащила бы на конюшню и выпорола со всей страстью, может и до смерти. Вот так Серж она увеличила поголовье крепостных и капитал семейный. Продает крестьян фабрикантам в города. Теперь и батюшка на крестьян смотрит, как на домашнюю скотину, даже пахать разрешил, запрягая людей вместо лошадей, дешевле обходится.

–Натали, ты что ж мне жалуешься на Дарью? Что-то я не пойму к чему все это?

–Приструнить ее только ты сможешь, вот и веду с тобой этот разговор.

–Твой отец богаче стал, значит и вам с сестрой после его смерти, дай Бог, не скоро это случится, больше деньги достанется. Чего ж ты печалишься?

–Дай Бог, нам с Софи самим не стать у Дарьи крепостными, а отца она скоро со свету сживет, только ничего этого он не видит и видеть не хочет. Серж, ведь ты тоже рискуешь

жизнью, она, как гончая за деньгами гонится, ничего и никого не признает, ни законов божеских, ни людских. Ей все едино, что дядя чужой, что брат родной. У нее весь капитал под рукой, а у тебя что? Неужто самому хозяином стать не хочется? Берегись ее – это мой тебе совет, держись от нее подальше.

–Сама говоришь, что капитал у нее, так чего мне бояться? Но, подумать надо.

–Подумай, да не затягивай с ответом. Поверь Серж, тут без смертоубийства не обойтись. Ты только спокойно подумай, прежде чем сделать чего ни будь и прямо сейчас ничего мне не отвечай, но к вечеру, будь любезен, прими решение.

–Ты тоже не проболтайся.

–Да и если бы сказала? Дарья с Софи ссору ученила и лицо сама себе исцарапала, с плачем бросилась к ногам отца и все повторяла, никогда дескать не думала, что Софьюшка желает моей смерти. Батюшка в зверя превратился. Приказал бить батогами Софью, потом погрузил ее на телегу, которая навоз вывозит и отправил в деревню на голодную смерть. Отец с ума сошел, запретил Софье одеться, а дворовым категорически запретил подстилать какие-либо тряпки на дно грязной телеги. Дуняша не слышала отца, в доме была и поднесла к телеге подушку, чтобы барыне было облегчение в дороге, так отец приказал привязать Дуняшу к телеге и отхлестать плеткой. Софья и Дуняша были брошены в телегу, прямо на навоз. Отец отрекся от Софьи, скоро и от меня отречется. Не

стану я переубеждать отца и рассказывать о зверствах Дарьи, все равно не поверит, да еще и обозлится, что Дарью черним в его глазах. Что ж ты молчишь, неужто думаешь, что Дарья до тебя не доберется?

—У Дарьи есть сынок от первого брака, тот еще ребеночек. Сейчас Дарья, насколько я знаю, распоряжается всем капиталом твоего папаши.

—Верно, но отец еще не переписал на нее право владения имуществом и капиталом она владеет только тем, что в доме лежит. Мы с сестрой перед тем, как отец обвенчается, весь капитал в общественный банк свезли в Петербург и счет тот на мое имя открыт.

—Сколько я получу, если завтра Дарьи не станет?

—Сможешь купить ни одну деревню с крепостными и еще останется на такой дворец, как у моего отца.

—Но у меня есть условие.

—Говори.

—Помнишь драгуна, что пропал намедни?

—Твоя сестрица передала разговоры, которые вел с ней этот защитник отечества? Ты предлагаешь мне с офицерами шашни водить, а потом тебе обо всем докладывать?

—Шашни водить не обязательно, но в доверие к ним войти нужно.

—Согласна. А куда делся этот красавчик?

—Он уже не красавчик, но против императора уже ничего сделать не сможет. Мне ведь ты не безразлична, а если об-

венчаемся, то капиталы объединим, а я сила и скоро получу доходное место в военной канцелярии. А Дарья и вправду перешла черту. Нужно пригласить ее сына погостить в имении.

–Зачем он тебе нужен? Дарья сама не хочет его видеть.

–Должен же кто-то взять на себя вину за смерть сестры, не нам же голову под топор класть. А с ее смертью разбираться будет никто иной, как Бенкендорф, а сыночка своего Дарья сама боится.

–Представляю, что это за зверь такой, если его Дарья боится. Расскажи, сделай милость.

–Родился Антоша самым обыкновенным. Дарья не поехала в преддверии родов ни в столицу, ни даже в губернский город, а довольствовалась подручными средствами – привезли повитуху из деревни. Салтыков кормил ее за барским столом, кровать ей поставил в той же комнате, где спала Дарья. Клопы перебежали от роженицы в кровать к повитухе и Дарья, вздохнув с облегчением стала спать сладко, улыбаясь во сне.

У Салтыковых не было в обычае следить за ребенком, вот и болтался Антоша в деревне да на хозяйском дворе и в свиарнике. Научился сей отрок хрюкать, как свинья и очень то любил подглядывать за случкой лошадей, прячась в стогах сена; не единожды ловил его отец за воровством денег у него из конторки, да за охотой на ворон и деревенских девчонок, он подкарауливал жертву и расстреливал ее из рогатки.

–Зачем тебе деньги, –строго вопрошал отец, поймав сына во время воровства.

–Хочу купить себе девку для потехи.

Антошка любил бегать в деревню, где выслушивал жалобы крестьян и сам жаловался. Что мол голодом морят его дома, вчерась не дали съесть шестую булочку, так и пришлось лечь спать на тощак. Воображение сего неискушенного мальчика наполнено фантасмагориями, содержащими мечты о богатстве и генеральстве. Антошка одевал кафтан с пришитыми к нему эполетами и командовал своими подданными в господском свинарнике. Салтыков говорил сыну, глядя как тот строит свиней и отдает им приказания:

–А кто ведает, что ждет тебя впереди, может и со временем, когда подрастешь, то переведут тебя в превосходительную должность. Я уж надеюсь на старых своих товарищей, они обещали записать тебя в полк, так ежели этим летом случится тебе стать офицером, так к двадцати годкам полковником станешь.

–Да кто ж это Антошку в полк запишет, когда ты даже письмо с просьбой о зачислении нашего сына в гвардию не собрался написать?! Всю весну у тебя неотложные дела да неважное здоровье, –злилась Дарья на мужа.

–Все случай, Дарьюшка, вот со мной-то как произошло. Встретился я как-то с государем, а тот возьми и спроси меня, –Ты кто таков? –и смотрит этак сурово. Евграф Салтыков, отвечаю, а император и спрашивает, –Какой такой граф Сал-

тыков? А я молчу, только глазами государя поедаю, да надулся от усердия, воздух в себе задержал и ответить государю не имею никакой возможности. Ведь со словами из меня весь воздух вон вылетит и стало быть усердия поубавится, а ведь я перед императором стою, так и простоял молча перед его величеством по стойке смирно и с полным пониманием грандиозного момента в моей жизни. А государь восхищается, смотри, говорит, сколько у тебя усердия. Велю, чтобы сопровождал ты меня, граф Салтыков. Так и стал я графом. Все случай, говорю тебе Дарьюшка и Антошка генералом, даст Бог, когда ни будь станет.

—Если не погибнет среди свиней своих заблаговременно, то может и станет наш сын генералом, но рискует твой сыночек головы лишится, отгрызут ее хряки в гневе или клопы съедят. В грязи день — деньской валяется, так разумеется и в доме от клопов и блох спасения нет.

—Да, хилый у нас сыночек, пора уж и за ум взяться.

—Ага хилый, вчерась столб, что мужики впятером вкопали, он один вытащил из земли и убег с ним в лес.

—В лес-то зачем?

—Уж больно Антошке тот столб понравился, решил посадить его, авось зацветет.

—Дарьюшка, а мужики этот столб зачем вкопали?

—Да ты забыл чай? Сам же приказал сосну срубить, от веток очистить, обстругать и в землю вкопать.

—Для чего, родная моя?

–А я почему знаю?

–Что ж так погано воняет у нас в горнице?

–Антошка прибежал, обедать пора.

–Это дело, проголодался я. Ты скоро желудьями меня кормить станешь, что ж мяса у нас совсем нет?

–Откуда у нас мясо? Ты думаешь, как мы состояние-то нажили, али не помнишь?

–Так свиней больше трех десятков содержим, могла бы мужа побаловать.

–Свиней не дам, – отозвался Антон, – Не троньте их тятя – это солдаты мои и если смерть придет к моему солдату, то лишь на поле боя, а так, чтобы зарезать – не дам.

–Так очень кушать хочется сынок!

– Ничего тятя, потерпите, вот стану генералом, тогда и отъедитесь, а покудова ешьте, что матушка дает и довольны будьте. Ну а если голодны, то вчера не доели кашу, она еще не испортилась поди, так сейчас и доешьте, а если добавки захотите, так есть соленые полотки из домашней живности.

–Я их видеть не могу, к тому же они запах залежалый имеют и цвета какого-то зеленого.

–Ничего, ваше сиятельство, съедите, организм чай уже вырос и окреп, выдержит и полотки.

–Вы меня уморить желаете!

–Что вы батюшка, Бог с вами, авось от слоеных-то полоток не помрете вскорости, не время еще, а вот от пирога, что нонче попу нашему подали, меня ажно в озноб кидает. Я по-

ковырял чуток и что за отбросы в него положены?

—От нашего стола сынок да от стола дворни нашей.

—Вот это я понимаю, вот это почет и уважение нашему попу, — и отец разразился громовым смехом. Далее обед прошел в тишине. После еды дворня забегала по дому и девки стали выносить и складывать в матушкин экипаж коробки и тюки.

—Граф, я уезжаю по делам, когда вернусь не знаю. Держи, оставляю тебе сторублевку, а в случае чего, если не дай Бог нужда будет, возьмешь у церковного старосты я уж распорядилась на этот счет и не смотри на меня так... Приглядывай за ребенком, не замори его голодом, приеду — за все с тебя спрошу.

—Я и не знаю, Дарьюшка, куда прятать эту ассигнацию. Антошка, в последний твой отъезд, украл сторублевку столь ловко и быстро, что я и не заметил. Боюсь брать деньги у тебя в его присутствии, да и с голоду скорее я умру, чем он.

—А вы тятя ведь не видели, что это я украл? Так что же вы на меня наговариваете, вот подсуну вам пирог поповский, когда вы во хмелю будете и я граф, хозяин усадьбы и всех наших денег.

—Неужели правда, что Антоша украл деньги, которые я тебе оставляла?

—Да!

—Тогда понятно, почему ты довел экономию дома в мое отсутствие до самых безобразных пределов. У меня сейчас нет времени, но, когда вернусь... Антоша, если отец будет

тебя голодом морить, скажешь мне, а ты граф пощады от меня не жди.

–Что ж мне делать?

–А ты поступай как матушка и все будет хорошо. Мне, как любимчику, кусок мяса свежего и побольше да пожирнее, а тебе постылому – разогретую обглоданную кость, тогда я и жаловаться не буду и пакостить тебе не стану.

–Ну коли договорились и ладно, я поехала, мне не досуг. Пойдем Антошка, проводишь меня. Ты с ним построже будь. Сынок, тебе пора в силу входить, да капитал папаньки своего к рукам прибрать. Я на твоём пути не стану, у меня своя дорога. В Петербург вскорости совсем уеду, к брату.

Дарья уехала, а Антон созвал детей крепостных крестьян и угощал их от души. У него среди них были любимчики и постылые.

–Берите сами со стола, что видите, что на вас смотрит – тем и угощайтесь.

После этих слов барчука происходило постыдная борьба, которой придавались голодные дети крепостных крестьян. Антошка на эти муки смотрел из-под лобья, выглядывая и выжидая, что будет дальше. Мальчишки в большинстве знали, что представление свободы выбора, есть ни что иное, как игра в кошки и мышки, но кто ни будь всегда был первый и не выдержав, брал самый дурной кусок.

–Что ж ты, получше куска не выбрал? Вон сбоку, смотри жирный какой лежит, –говорил Антошка добрым голосом

несчастному и голодному ребенку, у которого тут же наворачивались слезы на глаза.

—Я барин сыт.

—То-то, сыт, а губы зачем надул и неповинуешься господину своему? Конюх!

Несчастливого ребенка, орущего и плачущего, тащили в конюшню и на это время трапеза прекращалась, а все взоры были направлены на жертву расправы барчука. И в этот момент кому ни будь приходила мысль быстренько схватить жирный кусок, на который и указывал маленький барин. Мальчик начинал тыкать вилкой в мясо, которое, как на зло, не хотело насаживаться и выскользывало. В этот момент раздавался крик:

—Ты что ж это разыгрался, мерзавец! Ишь новую моду, завел вилкой по блюду тыкать. Конюх!

Обед на этом не заканчивался, оставшиеся мальчишки тоскливо заглядывали друг другу в глаза, сдерживая слезы, а над ними возвышалась фигура конюха с плетью в руках. Антон частенько и сам сек непокорных мальчишек до потери сознания, отрабатывая силу и точность удара. Бывали случаи, когда мальчишки отказывались от обеда с барчуком, тогда за неповиновение их секли, минуя стол с угощениями.

Второе любимое развлечение барчука происходило в господском свинарнике. Антон собирал вокруг открытого вольтера для свиней всех свободных крепостных со своими детьми. Дворовые приносили корзины с фруктами, хлебом,

овощами и начинали разбрасывать эту еду свиньям. Сви-
ньи хватали буханки хлеба и громко чавкали, крепостные
должны были наблюдать это зрелище, которое продолжалось
столько времени, пока крестьяне не начинали роптать, тогда
барчук звал конюха и предлагал крестьянам откупиться от
наказания. Если у семьи ничего не было, барчук шел к ним
во двор и всегда чего ни будь да находил. Не раз маменька
наблюдала, как крепостные сносят во двор своих господ дос-
ки, яйца, цыпленка или только что пойманную рыбу, нож и
чего только крестьяне не несли.

–Смотри дорогой, как наши крестьяне нас любят, -гово-
рила маменька.

–Антон последнее отобрал у них, и мы рискуем потерять
еще несколько крепостных после игр нашего сына.

–Молчи недотепа, тебе бы только ругаться на нашего
мальчика, а он становится настоящим барином, не тебе чета.

Когда Антону исполнилось семнадцать, отец умер от же-
лудочных коликов и барчук превратился в барина и графа, а
Дарья уехала в Петербург.

Серж замолчал. Натали не могла прийти в себя.

– Антошка приедет в имение твоего отца. Как видишь, я
неплохо знаю этого графа, он теперь возмужал и стал еще
более серьезным и суровым барином, но не таким богатым,
как ему бы хотелось. Сынок упрекает Дарью в своей нищете,
облизывается, глядя, как живет его маман. Ведь Антон един-
ственный ее наследник, но эта мечта для него не достигаема,

у мужей Дарьи всегда было много родственников, и Антон всегда оказывался перед корытом, когда в нем ничего уже не было. Смерти благоверных Дарьи не принесли радость Антону, а вот внезапная смерть маман может исправить его финансовое положение. Как ему было бы заманчиво завладеть наследством убиенной. Я думаю, что мы можем подкупить Антона и кто знает не уйдет ли Дарья в мир иной от острых колик в желудке.

—Серж, а как же отец?

—Наталья Николаевна, вы с ним не в особой любви состоите, особенно после того, как он выгнал твою сестру Софью из дома... Чего молчишь? Может ты ему простила избиение сестры и путешествие в навозной телеге в деревню, где она скорее всего умрет от голода и побоев отца родного?

—Нет, не простила.

—Тогда, Наталья Николаевна все становится на свои места. Ты будешь госпожой имения, я думаю, что твой отец не сможет пойти еще на одно венчание. Возвернешь из ссылки Софью. Я покупаю деревеньки с крепостными и особняк где ни будь недалеко от вашего дворца. Ты ведь откроешь счет в банке на мое имя?.. Вот и славно, но прежде необходимо все как следует обдумать, полицейские начнут следствие. Дарью знает Бенкендорф и не простит ее гибели, а нас уничтожит, если дознается обо всем. С этим человеком не поиграешь в кошки-мышки. Для нас Антон – это громоотвод.

Свадебный обед, по-настоящему, радовал только старшего князя, все прочие облегченно вздохнули, когда он закончился. Дарья с мужем выглядели счастливой парой, ведь за столом собрались самые близкие люди новой семьи: Натали, дочь князя и Антон, сын княгини сидели рядом, Серж – брат любимой жены, правда без супруги, но ему все недосуг. Для князя важно лишь одно, что рядом с ним сидит такая красивая и замечательная женщина, генерал улыбался. Муравьев Николай Николаевич не представлял почему, такая необыкновенная женщина вышла за него – ведь могла бы выбрать себе буквально любого мужчину. Но все-таки Дарьюшка выбрала его и сегодня такой радостный день. Он был по-настоящему счастлив, Натали приехала, а он думал, что дочь еще дуется из-за Софьи, но нет. Она почти счастлива и старый отец это видел, а раз он это видит, значит так оно и есть. Все огорчения позади, а у Натали всегда был жесткий, мужской характер, но она такая сердечная, что ее невозможно не любить. Дарьюшка говорила ему, чтобы не огорчался, пройдет время и его дочь приедет в имение к своему отцу, и вот она здесь. Жаль конечно, что с ними нет Софи, но она сама виновата. Софи ему дочь, но это не разрешает ей распускать руки, она все же взрослый человек и, как все взрослые люди, должна отвечать за свои поступки. Князь посмотрел мимо Дарьи, на ее портрет, висевший на задней стене: княжна в красном платье, которое Муравьев выписал специально в подарок своей будущей супруге из Парижа. Дарьюшка так

прелестна в нем и как очаровательно выглядят на ней брильянты, они только подчеркивают ее красоту и грацию.

Обед получился прелестный: Дарья и Серж не давали никому скучать; Натали и Антон весь обед о чем-то беседовали, а когда к ним подходил Серж, то слышен был громкий смех. Князь радовался, как ребенок, ведь Натали не бросила в него ни одного сердитого взгляда. Муравьеву уже за пятьдесят, когда-то он был кучерявым и беспечным мальчишкой, но и сейчас князь не выглядел даже тучным, он все такой же стройный, правда кудри поредели, щеки отвисли, глаза потеряли некогда голубой цвет и губы шамкают слова, но ведь в душе он еще так молод. Кухарка приготовила прекрасный обед, правда, чтобы ее взять пришлось уволить старую, а ведь она была няней у его девочек, но это не беда.

Серж повернул голову и поймал тревожный взгляд Дарьи.

–Что с тобой, сестричка?

–Не знаю, но у меня не спокойно на душе и какое-то нехорошее предчувствие.

–Брось, все идет по плану, не так ли?

–Антон, зачем он приехал, да и откуда он узнал, что я выхожу замуж? Я не собиралась его приглашать, ничего ему не сообщала и вообще не хочу его видеть здесь.

–Я его пригласил. Мне казалось, что тебе приятно будет видеть своего сына.

–Если бы это было так, то я сама бы его и пригласила. Я его боюсь... Антон глуп, жаден, агрессивен и словно змея

коварен.

–Любимая, сколько человек будет пить кофе? –спросил князь, прервав разговор брата и сестры.

–Не волнуйся, кухарка приготовила его много. Так что хватит на всех гостей.

–Господа, прошу всех пройти в сад. Алена неси шампанское, клико и водочки захвати французской и нашей.

Натали остановила прислуживающую девушку. Она утром собиралась поехать в деревню, но ей сегодня хотелось узнать каково самочувствие сестры. Разговор успокоил Натали, и она ушла в сад вслед за гостями отца, но тут до ее ушей донесся мучительно сдавленный гортанный звук. За кустами сирени стояла Дарья, она тяжело дышала и ее сильно рвало. Натали предложила помощь и уже хотела позвать кого ни будь из дворовых, чтобы съездили за доктором, но Дарья предупредила.

–Мне уже лучше, не вздумай поднимать шум.

И правда спазмы вскоре прекратились.

–Ты белая, как снег. Помочь тебе подняться к себе в комнату?

–Нет, я не нуждаюсь в помощи. Пусть Алена принесет немного воды.

Сделав несколько глотков, она выпрямилась.

–Мне уже хорошо, не могу понять отчего это со мной, может грибы? Запорю кухарку, заставлю съесть все грибы, что она приготовила. Беги скорее и проследи, чтобы больше ни-

кто не отравился. Пришли мне эту стерву, я с нее шкуру спущу.

Натали ушла, но кухарку не позвала, а переговорив с Антоном, не притронулась к подносу с грибами, оставив его на столике, где стояли блюда с закусками. На лице Натали торжествовала улыбка.

–Чему ты смеешься?

Натали обернулась, Дарья стояла в лучах заходящего солнца, и ангел превратился в живое воплощение дьявола, несущего смерть.

–Ни чему.

Натали не заметила, чтобы с Дарьей произошли хоть какие-то изменения, такая же цветущая, как всегда и это ее огорчило.

–Как ты себя чувствуешь? У тебя нездоровый румянец, уверена, что врач не нужен?

–Уверена.

В тот день в имении был намечен бал и Дарья по случаю пригласила гения, так ей отрекомендовали знаменитого европейского пианиста. Он был принят в самых богатых домах столицы. Очередь, чтобы пригласить маэстро в свой салон, огромна, но княжне удалось уговорить гения отложить все приглашения на сегодняшний вечер. Маэстро невысок, плечист, черные волосы стояли торчком, на его апоплексическом лице колбасника – то и дело вспыхивала холодная учтивая улыбка, его белые руки с непомерно длинными пальца-

ми хлестали по клавишам, словно плеть по провинившемуся. Сперва гости слушали, а некоторые офицеры, слегка перебравшие клико, даже уснули, но сочинение маэстро поразило гостей и восхищению не было предела, а когда гений заиграл мазурку начался настоящий бал. Маэстро играл неистово и, как показалось Сержу, даже с вдохновением, но время подошло отдохнуть и шампанское, бургундское и клико полилось рекой. Серж пробрался в малую гостиную, там стоял старенький рояль и принялся музицировать, пользуясь одиночеством. Княжна и Натали остановились в дверях и прислушались, снисходительно улыбаясь. Гений как раз поднялся на второй этаж с желанием встретится с князем и получить свой гонорар. Он собирался побыстрее покинуть гостеприимный дом, но вдруг брови его взлетели вверх и лицо приобрело изумленное выражение и покрылось красными пятнами, гений остановился и прикрыл глаза.

—Чье это сочинение? —прошептал он, —Кто так божественно играет?

—Он офицер и мой брат, его зовут Серж, —с гордостью ответила княжна.

Дождавшись окончания пьесы, маэстро подошел к Сержу и обнял его. Гений восторженно и долго исповедовался Дарье о выдающихся способностях ее брата, после чего все пошли в буфетную и мужчины выпили водки, а женщины шампанского.

—Я рада, что вам понравилась игра Сержа, но он военный

человек, представитель лучшей части русского дворянства и его карьера – это служба отечеству. Маэстро, приглашаю вас познакомиться с работами нашего придворного художника. Прошу пройти в галерею.

–О, я узнаю в этих лицах первых господ Петербурга, изумительный групповой портрет и как точно передает характер каждого из написанных сеньоров.

На стене висело огромное полотно в тяжелой позолоченной раме, весьма талантливо живописующее сошествие на американский берег первых конкистадоров, маэстро пришел в неопиcуемый восторг.

–Смотрите – это ведь князя Голицыны, у них в руках копья! А аборигены, которые их встречают – это их слуги, крепостные крестьяне или тоже дворяне знатной фамилии?

–Эти аборигены их соседи по загородному дому, у них вечная война из-за какого-то озера, находящегося на спорной территории их владений. Самый полный абориген – это граф Полозьев, глава этого почтенного семейства.

–А этот конкистадор княжна напоминает вашего супруга, у него очень свирепый вид.

–Жаль, что с испанцами на новые земли не высадились женщины, иначе и наши портреты вы могли бы увидеть на этом полотне.

–Ха! Очаровательно придумано, но семейство графа не возражает, что изображено в неприглядном виде?.. А кто же автор шедевра?

–Я уже говорила, мой придворный художник, портрет графа Полозьева он писал по наброскам, которые сделал у них дома, выполняя заказ самого графа.

–Я хотел бы посмотреть все картины вашего придворного художника.

–Вы их можете увидеть в лучших домах Петербурга. Насколько я знаю, вы были приглашены и покорили своей игрой князей Нарышкиных, Маковских и Голицыных, у них в гостиных висят семейные портреты – это и есть полотна моего художника.

– Он такой же гений, как и я. Вероятно обласкан заказами сильных мира сего и не бедствует, познакомьте нас. Я хочу с ним выпить итальянского вина. Он, вероятно, имеет свою мастерскую и учеников? Как вы думаете, можно мне посетить его мастерскую?

–Маэстро, но этот гений не свободный художник, он мой раб, я смогла купить его, провернув чудесную финансовую комбинацию.

–Хозяйка, госпожа, княжна я прошу вас разрешить посетить мастерскую вашего художника.

–Вы увидите все его картины и его самого, но не сейчас. Серж, как хорошо, что ты так удачно зашел сюда. Маэстро, все гости пошли смотреть фейерверк в парк, вас проводит туда мой брат.

–Так я надеюсь княжна, вы не откажите в моей скромной просьбе?

—Идемте, вы увидите потрясающее зрелище, поверьте. Я проведу вас по залам дворца.

Князь Николай Николаевич Муравьев был человеком, значительно приближенным к государю и отпечаток принадлежности к самой высшей касте, лежал в этом дворце на всем. Однако желание блистать распространялось не только на внешний вид дворца, но и находило отражение в убранстве его залов и распространялось на организацию проведения балов, и на повседневную жизнь. В имении, после приезда во дворец новой госпожи, все было с игопочки: лучшие в столице гувернеры, лучший придворный художник, великолепная библиотека и, конечно, частые поездки княжны за границу. Теперь же госпожа, когда имение посетил ее сын от первого брака, взялась за хлопоты определить его в лицей. Дарья не пожалела денег и сил, но отпрыск древнего дворянского рода оказался настолько безграмотным, что экзаменаторы посоветовали княжне нанять учителей и через год приводить отпрыска. В лицей его не смогли принять, не смотря ни на какие связи его нового папа и не смотря ни на какие взятки его маман.

Антон явно не скучал на балу, он пил клико с гусарами прямо из горлышка бутылок и сейчас, удобно пристроившись в любимой маминой садовой беседке, придавался пьянству. Серж и маэстро появились, нельзя сказать, что внезапно, но Антоша был уже изрядно набравшись, вино яркими красными пятнами покрывало его некогда белоснеж-

ную с огромным жабо рубашку.

–Антон, почему ты не с гостями?

–Я ждал, пока ты поговоришь с маман и пойдешь в сад. Неужели ты забыл о нашем договоре? Мне кажется, что время пришло... а кто это с тобой?

–Великий пианист и художник.

–А, господин маэстро, рад, очень рад. Не желаете ли шампанского? Бокалов или фужеров у меня к сожалению, нет, но вам итальянцам или кто вы там такой, наверное, не привыкать пить из горлышка. Прошу угощайтесь.

–Твоя маман в галереи и одна, тебе бы стоило ее навестить, а мы с маэстро идем к гостям, скоро начнется фейерверк, и ты прав – время пришло. Княжна одна сидит в галерее, а гости, все гости смотрят фейерверк. Ты понимаешь меня Антон? Твоя маман просила подойти тебя к ней, она желает сообщить тебе свою волю и не пей больше, иначе поедешь к себе в деревню таким же нищим, каким заявился сюда и всю оставшуюся жизнь будешь командовать свиньями. Ты меня понял? А теперь поторопись, она тебя ждет.

–Я хочу спросить, наш договор еще в силе?

–Тысячу рублей ассигнациями из моих рук. Мальчику нужны деньги, и я его по – своему люблю и балую его. Если захочешь уехать, то приходи хоть ночью, я отдам тебе эту сумму из рук в руки, но только после разговора с маман.

Серж прикоснулся к локтю пианиста.

–Пойдемте быстрее, еще мгновение и ночное небо преоб-

разится. Посмотрите, как будет чудесно, такого вы нигде не увидите.

—Я много видел фейерверков, самые красивые в Париже, но это в прошлой Франции, а теперь, когда Бонапарт разгромлен и Франция обескровлена войной, им не до фейерверков. Этот тип и есть сын княжны?

—Да, он сын несравненной княжны.

—Жуткий тип.

Внезапно Серж остановился и стал всматриваться в глубь сада.

—Что случилось мой друг? Почему вы так встревожились, что вас так напугало?

—Посмотрите туда, вы видите девушку?

В это время небо осветилось множеством белых, красных и зеленых огоньков, раздался оглушительный хлопок и послышался смех, заиграл оркестр.

—Да, я вижу ее, она побежала по тропинке, но теперь снова темно и я не успел ее рассмотреть. А вы ее узнали?

—Это вторая дочь князя, Софья.

—Но, помилуйте, мне говорили, что князь изгнал ее из своей жизни и своего имения, навсегда лишив внимания и любви. Неужели князь простил ее и пригласил на бал?

—Конечно нет, иначе мы встретились бы с ней раньше. Я думаю, пригласи он ее, так Софи, пожалуй, и не пришла бы.

—Но она здесь, если вы конечно не ошиблись.

—Да, она определенно тут и побежала во дворец, идемте

нас уже ищут и зовут.

Праздник продолжался и фейерверк удался на славу, господа офицеры и столичные гости разъехались под утро. Серж со своими новыми друзьями, гусарами, поехал кататься по окрестностям, что может быть прекрасней, чем под луной мчать верхом на прекрасном жеребце, горланить песни, а потом наслаждаться прелестями молодых, красивых и податливых крепостных девок. Никого не смутило, что княжна не пришла в сад смотреть фейерверк, а князь, проводив гостей ушел в свои покои. Он устал от бала и желал отдохнуть в одиночестве.

В имении тихо, только птицы поют. Дворня прибрала в саду и во дворце, а господа уже нежились в своих кроватях. Князь, перед тем как лечь спать, взял колокольчик и позвонил, вызвав прислугу.

– Скажи Прохору, что завтра наш иностранный гость, господа офицеры и я с женой намерены посмотреть его новые картины и эскизы. Пусть к утру развесит свои работы в галереи. Накроете завтрак на террасе. Все вернулись в имение?

– Да, господа офицеры и брат вашей супруги, нашей госпожи уже вернулись.

– Иди, чего стоишь.

Князь поднялся, открыл настежь огромные стеклянные двери, ведущие в сад из спальни – легкий свежий ночной воздух и пение птиц опьянили князя, он закрыл глаза.

– Какое блаженство.

Постояв немного, князь решил, что непременно должен перед сном скупаться в речке. Внезапно послышался топот ног, из темноты ночи вышел поручик Шлыкков.

– Князь, вы не спите, сегодня прекрасная ночь, а у меня как раз бутылка молодого французского вина с собой. Знаете, не могу уснуть. Назначил свидание, но... Одному скучно и грустно, не составите ли компанию?

Шлыкков не успел зайти в комнату князя, как раздались удары в запертую дверь, ведущую в коридор замка.

– Князь, откройте.

Крики доносились из-за двери, ведущей в покои князя. Поручик бросился вперед, отворил двери и тут же был атакован. Звон шпаг, топот ног, треск ломаемой мебели и бьющихся ваз, угрозы, выкрикиваемые дерущимися, обрушился словно водопад на голову князя. Князь схватил саблю, но не смог вступить в бой, поручик быстро передвигался, и его широкая спина стала надежным живым заслоном, за который не могли прорваться злоумышленники. Князь был вынужден выскочить на улицу, дабы предотвратить возможное нападение со спины. Поручик явно побеждал в схватке и бой продолжался за пределами спальни, теперь звон шпаг продвигался вместе с дерущимися по коридору и добрался до холла. Князь увидел, как из темноты сада появился человек и вбежав по ступенькам парадного крыльца заскочил внутрь дворца.

– Гусары ко мне! – прокричал князь и бросился бежать к

парадному входу замка. Он готов был сражаться, но, когда забежал через парадные двери в холл, то увидел, что бой поручиком выигран и нападавший лежит у ног Шлыкова. Молодой корнет с криком, -он убежал туда, -побежал по коридору к черному выходу.

–Поднимите его поручик, я хочу увидеть кто это, -князь опустил саблю. -А вы зажгите свечи и наведите порядок в моей спальне и тут, -слуги разбежались и вскоре холл был освещен.

–Серж – это вы? В подземелье его! Разбираться завтра будем.

Внезапно пришел страх и был он вполне ощутимый: холодный и липкий, удивительно длинный и похожий на безобразную мазню того художника, которую видел на Невском в тот дождливый день. Черная, как смоль река, пустые и серые от пыли берега, а стой стороны приближается лодка. В ней седобородый старик, он гонит лодку веслом, но она почти не двигается, весло вязнет в тягучей жиже реки и старику явно не хватает сил, чтобы сделать гребок. Он пыжится изо всех своих сил, но ничего не получается.

Кукушкин проснулся и вскочил с кровати, все тот же сон, когда старик доплывет, то жизнь оборвется. Виталий наклонился, разминая спину и рука привычно потянулась к тумбочке, на котором стоял графинчик с водкой. Кукушкин выпил, крякнул в кулак и пошел умываться. Квартира на Офи-

царской улице в Петербурге – это мечта чиновника надзирателя, Кукушкин называл эту мечту несбыточной. После войны, таких молодцов, как Кукушкин, развелось в России, как собак нерезаных. Розыск в империи приобрел глобальные масштабы: политический сыск, летучие отряды сыскной полиции, уголовный розыск. Кукушкин надеялся на доходное место в столице, ведь никто иной, как сам Бенкендорф вызвал его в Петербург. Еще вчера, когда он был, как и сегодня, впрочем, надзирателем сыскной полиции Новгорода, а это самая низкооплачиваемая должность в полиции, Виталий и не подозревал о таком подарке судьбы, как своя квартира в Петербурге, к тому же он был под угрозой увольнения, хотя виновным себя не чувствовал.

В тот день их отряд должен был брать банду беглых, грабивших всех подряд на большой дороге, а Кукушкин подвел своих товарищей и его вовсе отстранили от оперативной работы. Начальник приказал продолжать службу в подвалах полиции, открывать и закрывать решетки. Ключник, одним словом. Обидно, честное слово, ведь он славно поработал, следя за староверами, промышляющими в гостинном дворе Новгорода, а все из-за своего пристрастия, будь оно не ладно. Приучил батюшка к водочке, полезно дескать по утрам для пищеварения, если бы не война, то спился бы, наверное.

Сегодня ни-ни, предстоит ответственный разговор с директором департамента полиции столицы, с самим графом. В Новгороде небось и сейчас ломают голову в поисках при-

чин, по которым Кукушкина вызвали в Петербург, и никто иной, как сам всесильный Бенкендорф. Виталий вспомнил, как познакомился с командиром егерей, о которых на той войне ходили легенды. Шутка ли, эти части являлись гордостью армии и ее главной огневой мощью. Кукушкин же воевал в легкой кавалерии, а это самые слабые подразделения армии, там всегда не хватало дворян. Сей недостаток покрывали казаки, не любившие немецких стрелков, потому и не было сплоченности в армии, а государю нужны победы. Легкая конница должна была взламывать оборону натиском и скоростью, а егеря, следом идущие, уничтожать солдат противника и закрепляться на занятых рубежах. Друг без друга – это уверенное поражение всей армии. Ведь что конница способна только взломать оборону на короткое время, но вскоре сама заваливала трупами разбежавшихся французов по всему полю боя. Стрелки, как в тире отстреливали молодых и не опытных в бою драгун. В тот день французы надеялись на внезапность и то, что полк не был готов к такой наглости лягушатников, привело его к поражению. Драгуны, откатившись назад с огромными потерями, зализывали раны и считали чудом оставшихся в живых. Внезапно зазвучали барабаны, застучали копыта, и Виталий увидел Бенкендорфа на огромном жеребце. Он помнил, как полковник спешил, снял треуголку посмотрел на запад и перекрестился, оставшиеся в живых после атаки последовали его примеру.

–Здорово молодцы!

В ответ прозвучало очень жиденькое ура. Он приказал строиться в боевой порядок, дабы атаковать противника и победить. Казаки и мы выстроились для атаки. Егеря же, пришедшие, наверное, с ним не спешили к нам присоединиться и отошли в сторону. Бенкендорф побледнел, потом усмехнулся и сказал:

—Вот все и выяснилось, желаю вам, господа Наци удачи. Я пытался быть своим среди чужих, а чужим среди своих, но видать не судьба. Смотрите же как подыхает Ванька-дурак!

Французы не ожидали повторной атаки русской кавалерии, уверены были, что еще долго будут зализывать раны и готовились к инфантерской баталии с жаркой перестрелкой, но лихой конный натиск застал несчастных врасплох. Разумеется, первым же залпом французы пробили значительные бреши в сводном отряде, но не успев перезарядиться, они испытали гнев русских сабель. Стрелки французов побежали, но к ним на помощь уже мчался кавалерийский отряд и нашей легкой кавалерии пришлось разворачиваться и с ходу атаковать французских драгун. Поредевший отряд русских встретили пули французских стрелков, и они покрыли поле своими трупами, не доскакав до линии боя с кавалерией противника.

Одним из первых под мной убили лошадь, и я оказался на земле, одному Богу известно, почему меня не раздавил конь. Когда очнулся, то увидел лишь быстро удаляющихся от меня французских кавалеристов. Голова кружилась от удара о

землю, в глазах стоял туман, но я смог увидеть прямо на меня бегущих французских солдат. За моей спиной раздались выстрелы, французы падали, как подкошенные и ни один не успел поднять ружья для выстрела или добежать до меня. Егеря во главе с Бенкендорфом, завершали успех нашей кавалерии. В том бою и я смог отличиться, ведь в Новгороде слыл отменным охотником. Так я познакомился с полковником Бенкендорфом.

В связи с каким делом он нашел сейчас незадачливого кавалериста и вызвал в столицу? Виталий не мог дать ответ на этот вопрос, но то, что это был Бенкендорф, не сомневался. Я взял папиросу и закурил, горячий аромат табака, ворвавшийся в легкие, отозвался дурманом в голове. Все же этот гадкий сон оставил ощущение страха и злости на самого себя, ничего – пройдет.

Виталий вышел из своей комнаты и направился в общую залу на первый этаж дома. В углу, на подставке стояли серебряный сифон и несколько бутылок отличного вина, предназначенные для всех жильцов дома. Бутылки были распечатаны и просто заткнуты новыми пробками, что и говорить, принимали его по первому разряду и не каждый высокопоставленный чиновник полиции, приехавший из периферии в столицу, удостоивался такой чести, а его – Кукушкина, явно баловали.

Хозяин дома, вероятно после вчерашнего вечера, который они провели вместе, отметил любовь своего постояльца к на-

питкам Бога Бахуса и вот перед Кукушкиным мечта пьяницы. Виталий подошел к поставцу и взял одну бутылку, повертел, погладил и поставив на место, взял другую. Названия вин ровно ничего не говорили, хотя вон и знакомцы стоят: темные и тяжелые бутылки, с сургучными печатями и тесненными надписями. Он даже обрадовался, увидев эти бутылки, будто радуясь встрече с родным человеком в чужом и незнакомом городе. Виталий зубами вытащил пробку из бутылки и отпил, дразнящей ум, огненной жидкости. Зала наполнилась светом и заиграла всеми цветами радуги. Не выпуская бутылку из рук, вернулся к себе в комнату. Голубовато-салатовое покрывало этой огромной, почти на всю спальную постели, подчеркивало его одиночество и дискомфорт. Кукушкину ужасно захотелось выпить всю бутылку.

–А ты не пей! –рявкнуло у него перед глазами расплывчатое лицо Владимира Дармидонтовича и поплыло под потолок.

–Слушаюсь, ваше высокоблагородие! –прокричал Кукушкин, задрав голову к потолку и наблюдая за плывущей в воздухе рожей своего начальника. Туман рассеялся и Виталий, встряхнув головой и прорычав как собака, отставил бутылку от себя.

–Все, приехали, –прошептал он и затерялся на просторах своей постели. Теперь ему снился кабинет начальника.

–Рассказывай Кукушкин все как есть.

–А что собственно рассказывать, Владимир Дармидонто-

вич?

—А то ты не знаешь?.. Бумага из Петербурга пришла, вызывают тебя в управление, в канцелярию самого директора департамента.

—За что?

—А я знаю? В бумаге ничего не сказано. Ни кто вызывает, ни по какой причине, а только вызываем и твоя фамилия имя и отчество пропечатаны. Рассказывай все, что произошло с тобой за последние полгода или лучше год.

Кукушкин молчал, опустив голову и почесывая затылок. Дармидонтович позвонил в колокольчик, дверь отворилась, —Позовите чиновника для поручений, ну того, что бумагу у курьера принял.

—Вызывали?

—В бумаге отписано, что Кукушкин должен прибыть в департамент полиции столицы и явится к директору, а по какой причине не указано. Ты у курьера спрашивал, почему не отписана причина?.. Хоть бы поинтересовался, что да к чему.

—Даже если б и спросил, вы думаете услышал бы вежливый ответ? Владимир Дармидонтович, я чаю курьер сам ничего знать не может. Потому, как у него одна задача взять послание, доставить его по назначению и все.

—Ну да, ну да.

—Давай Кукушкин думать вместе.

—У меня одно дело было, нет два.

—Разбираем оба, докладывай.

–Беглых мы брали, а спрятались они в крайнем доме села Гнилихино. К дому этому не подойти скрытно, кругом него пустырь и все как на ладони, но и им не убежать от наших пуль. Штурмом конечно можно взять, но сколько погубим своих – это страх. Решили ждать до утра, а с первыми петухами и возьмем. Спать договорились по очереди, мое время пришлось на три часа утра, ну проснулся я, зябко и голодно, шутка сказать со вчерашнего не евши. Сижу, стало быть, смотрю, а глаза сами закрываются. Решил взбодриться, у меня фляга с войны осталась, так я ее завсегда с собой ношу и водочкой заправляю на всякий случай. Отхлебнул чуток раз, другой, а потом пришел в себя, а солнце уже высоко стоит.

–Знаю, знаю и как ты в дом тот ворвался, да не один, а с Николаем. Это дружок твой?

–Так точно, воевали вместе и в полицию пришли тоже разом.

–Вы молодцы, да только не отметил в приказе и не похвалил устно, потому как вы напились и чуть все дело не погубили – это не годится.

–Тогда второе дело. Помните брильянты госпожи Чуприной?

–Ты их вернул, случайно на какой-то гулящей девке увидел.

–Совершенно точно, зашел я тогда с горя в шалман, осмотрелся и мать честная, брильянты сияют на грязной шее одной из потаскух, взял я ее за шиворот и притащил в уча-

сток. Это уж она после, на любовника своего указала. Вы тогда обещали орден дать.

—Я в Петербург доложил, шутка ли на какие деньжищи в золотых украшениях и брильянтах вернул пострадавшей, да и Чуприна известная фамилия в столице. Так думаешь из-за этого дела тебя вызывают?

—Да других дел у меня и не было вовсе.

—Все равно, что-то здесь не так.

Кукушкин очнулся и взглянув на настенные часы, поднялся и пошел умываться. Будь что будет, подумал Виталий и успокоившись на этой мысли, облил себя холодной водой.

Жаркий и солнечный день в столице подходил к своему концу, а это значит, что у Бенкендорфа он выдался тяжелым и болезненным. Все Бенкендорфы светлой кожи и с огромным количеством веснушек, кожа розовая, как у племенной хрюшки, а значит солнце Александру Христофоровичу причиняло боль и граф мог выйти на улицу и подышать свежим воздухом только ночью.

Летом Бенкендорф работал исключительно по ночам: он выходил из своего дома, садился в карету, и та его катала от дома к дому. Такое поведение внушало страх дворянам, каждый житель столицы не мог спокойно спать, если за ним числились грешки перед императором или перед законом. Причина этого страха была не только в жестком нраве все-сильного графа, а в его сенной болезни, которую с переменным успехом пытался лечить Боткин, личный врач импера-

тора и начальника сыска.

Кукушкин сидел в приемной и ждал, когда наконец ему объявят для чего вызвали в столицу. Если он приехал в Петербург в мундире офицера егерей и в своем багаже не имел другого платья, то не только потому что был беден, как церковная мышь, у него была мысль с дальним прицелом. Когда он вошел в приемную графа, то сразу рассмотрел себя со всех сторон в огромное зеркало, занимающее всю стену приемной залы. Граф будет доволен выправкой своего однополчанина, а Виталий, как бы говорил всем своим видом: «Я готов служить отчизне под руководством своего мудрого и любимого командира. Верой и правдой оправдаю доверие отца родного». В зале было прохладно, так как тяжелые коричневые шторы не пропускали солнечных лучей. Виталий слегка дрожал и прислушивался, но тщетно, огромные дубовые двери не пропускали ни единого звука из кабинета директора департамента. Прошло не меньше часа и наконец двери распахнулись и в зал вышли два генерала. Кукушкин втянул голову и застыл, боясь выдать свое присутствие учащенным дыханием.

—Родина, честь, долг, порядок и верность, дорогой генерал — это не добродетель, а врожденные качества. Они либо есть, либо их нет. Ты можешь стать добрее или злее, умнее, сильнее, но порядочным стать не сможешь. Если матушка или отец были продажными тварями, то грешно от их потомства требовать чести и верности. Увы, таковы законы наслед-

ственности. Во всех сословиях есть порядочные – люди чести и непорядочные. Как увидеть сию подлую кровь в маленьком мальчике? Остается либо довериться чести его отца или матушки, иль вовсе отказать с порога. Если не распознать, то такой погубит не только себя, когда выйдет на службу и получит задание, но и своих братьев по оружию. Я людей чую и понимаю на что они способны и что им нельзя поручать. В итоге моя разведка стала лучшей в Европе и это признали даже англичане, но мне не хватает учеников, проверенных в деле. Даже следователя толкового для раскрытия самого что ни на есть будничного убийства и то днем с огнем не сыскать. Вот пример: один из самых талантливых моих учеников – Федя Тютчев выказал талант поэтический и мог, а я считаю, что и должен был стать выше Пушкина, но сие мне не нужно, а мне нужен резидент в Германии, а не крючоктворец. Я предложил ему выбор: публикации, гонорары и всемирную славу, после выполнения задания или безвестность за тридевять земель от России? Мой ученик выслушал мое предложение и просто спросил, -Если бы вам не нужен был человек там, в Баварии, вы бы меня напечатали? У меня сжалось сердце, мой мальчик хорошо почуял то, что я счел его незаменимым для дела и согласился подождать со стихами и прежде выполнить мое задание.

Я не мог говорить от радости, переполнявшей меня. Хотел закурить, но не смог высечь искру, тогда Федя подошел к моему креслу, сам ударил по огниву, долго смотрел на тле-

ющее пятно в моей трубке, затем грустно улыбнулся и тихо сказал:

—Такая похвала дорого стоит, зато я теперь точно знаю, что у меня есть один преданный и любящий меня читатель.

Через год он прислал мне письмо с новым стихотворением, но и до сих пор я не могу его напечатать. Я осуждаю себя, что не даю ему писать, может быть в самые его плодотворные годы, ведь поэтический век очень краток. И, как это наши дворяне не видят, что Пушкин не столь гениален? Да, я практически уже приказал отсеять, убрать Пушкина, он меня раздражает, но если меня спросят на небесах, каюсь ли я в своей жизни, то отвечу, что грешен лишь тем, что не даю писать Федору Тютчеву и за сие нет мне прощения. Я, генерал, отсеиваю неудобных и порченных, вычеркивая их из книги живых, а оставляю лучших и проверенных, за которых не стыдно и на которых могу положиться, как на самого себя.

Граф замолчал и уставился на Кукушкина, который оказался на пути продвижения всесильного по приемной зале.

—Знакомьтесь, я надеюсь это мой будущий лучший разведчик, а ныне следователь по особым делам Кукушкин Виталий. Я доверяю ему всецело и поручусь за его совесть и находчивость. Дворянин и офицер, мы воевали вместе, где он показал себя преданным делу и мне лично. А этот господин, князь Муравьев Николай Николаевич, мой лучший друг. У него в семье случилось несчастье, трагедия. Его супруга, урожденная Салтыкова Дарья, была зарезана во вре-

мя бала. Я знаю, что ты отличился умом и смекалкой в деле госпожи Чуприной, вернул в три дня все похищенные у нее брильянты и воров взял с поличным, а не просто так. Поручаю тебе расследование смерти моей ученицы Дарьи Салтыковой, верной своему долгу, своей отчизне, своей семье и оборожительно красивой женщины.

Местный дознаватель арестовал кое кого по подозрению. Князь ручается, что он ошибается, тут что-то не так, а полиция уже готова и дело закрыть. Я отказал и приказал, чтобы встречали следователя из тайной канцелярии. Генерал подождите меня, мне необходимо переговорить с Кукушкиным с глазу на глаз.

Ну здравствуй герой! Не кланяйся, не люблю, а, впрочем... И так, твоя задача найти убийцу, но это не самое главное... Списки заговорщиков против царя и отечества, которые составила Дарья, вот что мне необходимо. На землях князя расквартирован полк, вздумавший бунтовать против императора. Дарья составила списки офицеров, желающих начать мятеж. Она не успела эти списки мне передать. Твоя карьера зависит от этих списков, так что держи ухо востро. Я никак не смогу тебе помочь, случись с тобой какая ни будь нелепость со смертельным исходом. Возьми это предписание о получении денежного пособия на время следствия. Жду от тебя результатов и не тороплю, но все же не затягивай и не погибни зазря, а по сему прощай Кукушкин.

—Заждались, князь? Введите следователя в курс дела, я

думаю времени в дороге будет предостаточно. Прежде всего пускай прочтет письма крепостных, а ты молодец проведи дознание, опроси князя по пути в имение. Князь, помогите Кукушкину в его расследовании и людям своим прикажите не чинить препятствий, пускай подключатся и ваши гусары. Я надеюсь на быстрый и всеобъемлющий результат.

У подъезда нас ждал экипаж князя.

–Виталий, вы не против если я к вам буду обращаться по имени?

–Конечно, Николай Николаевич, прошу вас, я буду только этому рад.

–Виталий – это письма, о которых говорил граф. Они написаны на имя нашего государя, прочтите и я думаю поймете, кто мог так жестоко убить мою жену.

Муравьев молчал, пока Кукушкин читал письма.

«...От имени своих неученых грамоте односельчан некий грамотей, Аким Васильев, припадая ко преосвященному Вашему трону, всемилостивейшему нашему государю с верно-потданейшим нашим поклоном и уже не первым прошением прошу выслушать нас. Наша госпожа, Салтыкова Дарья совсем нас разорила и довела до крайнего убожества, так что отняла у нас хлебопахотную нашу крестьянскую землю и сенокосные луга, которые пожаловал нам некогда, для кормления своих семей, наш князь. Мы жаловались князю, но видать наши письма не дошли до него. Хлеб наш новая госпожа отняла в свое владение, с чего и стали мы пухнуть с голоду,

а детишки наши помирать зачали. Коров, лошадей и прочее имущество наше забрали, а скотину отвели на скотный двор к новой барыне. Крестьяне попытались препятствовать своему последнему разорению, так княжна приказала бить нас кошками и батогами, а когда нас, покалеченных выбросили из собственных хат, то решились мы написать Вам, Всемилоливейший государь, воззрите человеколюбивым оком Вашим к нам, велико страждущим и погибающим от нашей новой госпожи, княжны Салтыковой, так что не можем больше терпеть ее демона смерти в своей судьбе и невозможности нашей сопротивляться ее жадности и злобе, которые с каждым днем становятся все нестерпимее. Отягощены на господской работе, княжна Салтыкова запретила работать на своих уделах, пока не пройдет весь круг работ, аж до сенокоса. Мы обратились к князю, и он разрешил в субботу и воскресенье по пол дня поработать на своих уделах, так конюх княжны батогами погнал нас отрабатывать барщину. Мы в тот день пошли в мир кормиться, убегли от нее и от князя всей деревней, так нас поймали и мужиков, что по моложе были, в колодки взяли, часть из них княжна в армию продала, а других приказала бить нещадно, а, чтобы другим в науку пошло, так прилюдное избиение плетью и розгами ученила. Так посекала она с десяток человек, не щадя ни малого, ни старого. На том самом месте я оставил мертвыми своих малых детей, трех совсем малых и трех подростков, которым и десяти лет то не было. Сам я и жена моя чуть не при смерти

находимся. Детей наших лишили жизни конюх и приказчик княжны, а сама барыня отхлестала двух брюхатых женщин до того, что они из своих брюх выкинули мертвых, а после и сами богу душу отдали.

А еще государь хочю поведать Вам, как Салтычиха беглых от рекрутчины искала. Объявила барыня, чтобы с каждого двора пришло по человеку, поставила всех в ширинку на улице, цепь каждому на шею поклала и замкнула ее на замок. А на дворе мороз жуткий стоял, люди и вовсе голые стоят. Спрашивает староста:

—Где дети ваши, что со службы убегли?

—Не знаем, нет в домах рекрутов, сбегли и весточки не казали.

—Служба должна быть справлена, -отвечают людям.

—Не знаем где дети, в бегах не то. Староста, да скажи ты барыне, что не приходили они домой, помрем ведь.

—Позябните, так может и вспомните где ваши дети.

—Откудова мы знать-то можем, не погуби, староста, ты же знаешь, что не приходили они в деревню.

Княжна приказала прорубить пешней проруби, сперва одну, а отступя пять сажень и другую. Привязали к шеям веревку и потянули к первой проруби болезных. Пропустили веревку подо льдом между прорубями и бросили в первый прорубь людей. Приказчик с конюхом возьми и потяни свой конец веревки, крестьяне и нырнули под лед, а выплыли уже в другой проруби, тогда приказчик и конюх перебежали к

первой проруби и тот конец потянули на себя и снова крестьяне нырнули под лед. Таскали они так крестьян, пока все не околели. Теперь, зная, что дети могут убежать от солдатчины, родители их сами бегут от своеволия и гнева господского, от смерти лютой и жестокости господской. Так что дома крестьянские скрозь пустые стоят. Господа, отдавая хлопцев в рекруты деньги имеют, вот госпожа и продает хлопцев, когда в город желает съездить, прикупить чего, или просто осерчала на парубка...»

–Князь, а вы читали эти письма?

–Я, Виталий в своем хозяйстве и царь, и Бог, и все, что творится – знаю и не по слухам. Бегут крестьяне – это правда. Но у кого не бегут? То, что они по миру ходят и жена их собственноручно сечет, да еще и не щадя ни старых, ни малых – не верю, знаю, что клевета это и готов, если уж так ненавистно им мое господство над ними, продать их всех до единого. Так опорочить мою жену перед государем. Я ведь их с доходов мельниц подкармливал, а они... Мне это нож в сердце. Дарьюшка в хозяйстве лучше меня разбиралась, ведь вот стал же я богаче, как она в дом пришла. Я что, офицер, года мои заставили в отставку подать, всю жизнь в полку, какой из меня помещик. Теперь же хочу найти и наказать убийц, пока всех крестьян не распродал, а ведь уже и покупатели есть – фабриканты из губернского города и цену, стоящую дают.

–Как нашли княжну?

—Утром дворовая девка Аленка в галерее нашла Дарьюшку с тесаком в груди, еще спали все. Я так думаю, дорогой Виталий, что крепостные это сделали, больше некому. Звери они, неужто она виновата, что барыней родилась она, а не они? Звери эти мою голубку погубили таким варварским способом, а я в обществе разговоры вел за их освобождение от крепостничества, ратовал глупец за свободу крестьян. Трактат сочинил, да записку служебную графу отдал, ой как теперь стыдно-то перед ним.

—Понимаю вас, князь, а скажите, когда вы намерены удалить крестьян из деревни в город, на фабрику. Мне показалось, что вы не только в цене сошлись, но и по рукам уже ударили?

—Точно так. Отправлю их как можно быстрее с глаз долой. Фабриканта я предупредил, что на их совести смертоубийство барыни, но он не боится. У меня, говорит, не забалуешь.

—Я понимаю вас князь. Кого жандармы арестовали по подозрению в убийстве?

—Софи, мою дочь, но не убивала она, не могла она лишить жизни Дарьюшку, да еще и так.

—А где именно в галерее нашли тело вашей жены?

—Под картиной Прошки, она его своим придворным художником называла.

—Я хотел бы переговорить с крестьянкой, что убирается в вашем доме, со всеми крепостными, которые были в ту ночь в господском доме и прислуживали во время бала. Князь, вы

говорите, что Софи не могла убить княжну. Жандармы же обнаружили повод, который мог послужить причиной нападения Софьи на свою мачеху и арестовали ее, почему?

– Да она и жила-то не в доме, а в деревне, сослал я ее туда после ссоры с Дарьей.

– Расскажите мне по подробней о ссоре двух дорогих вашему сердцу женщин. Ведь Софья Николаевна была зла на вас и вашу жену.

– Злится – это отнюдь не значит стать убийцей, дорогой Виталий.

– Согласен.

– Тем более, что Софьи не было на балу, я ее не приглашал и Натали, моя старшая дочь, хотела съездить в деревню, чтоб повидаться со своей сестрой. В день ссоры моей дочери и жены, увидел я Дарьюшку с окровавленным лицом, и она мне сказала, что напала на нее Софья в порыве, охватившей ее злости.

– Значит факт нападения на вашу жену Софьей подтверждается только вашей же женой и более никаких свидетелей этой мерзкой сцены нет? Какова вероятность, что ваша супруга оговорила вашу дочь намеренно?

– Да я собственными глазами видел, как Софья расцарапала Дарье лицо в порыве гнева, но убить, нет, увольте, не верю, не могла Софьюшка, не могла.

– Так вы были свидетелем их ссоры, а ведь ранее, насколько я мог понять, вы говорили, что только со слов супруги

своей знали о драке?

—Хочу посоветовать вам, господин офицер, обратить больше внимание свое не на мою дочь, а на две крестьянские семьи. Еще батюшка мой покойный, дай Бог ему царствие небесное, их не жаловал. Продал двоих парней из этой семьи в солдаты, чтоб воду не мутили. Старики вроде как поутихли, но смогли вновь расплодиться. Последыши их и приютили Софью у себя, когда я ее сослал в деревню. Представляю, какие козни они выдумывали рассказывали вечерами моей дочери о Дарьюшке, ведь она, по праву родства, вынуждена была пресекать неповиновение крепостных и продавала, и секла, а как же. Думаю, что они и убили мою Дарьюшку.

—Князь, хочу вас успокоить, я согласен с вами, что крестьяне очень злы на княжну были. Но ведь им сложно было пройти в галерею, куда и доступа для них нет? А убить госпожу, чтоб свидетелей не было, в это уж совсем не верится. Тогда как дочкам вашим не составило бы труда попасть в галерею, не привлекая внимания? Но речь не о том, все равно в имении Софьи не было. Тогда почему на нее пало подозрение?

—Софью видел в ту ночь брат Дарьюшки, Серж, да еще и этот иностранный маэстро, как раз в тот момент, когда оба шли в сад, чтоб увидеть фейерверк. Серж якобы видел, как Софья бежала по дорожке, ведущей во дворец.

—Какой дворец?

—Все гости так наш дом называли и называют.

—А кто ни будь, кроме Сержа и маэстро, видел вашу младшую дочь? Дворня например?

—Нет, никто. Ни дворня, ни гости мою Софи не видели во дворце.

—Дворня, что прислуживает в доме, извините, во дворце, проживает в той самой деревне, которую вы хотите продать?

—Да.

—Княжну зарезали самым примитивным и варварским методом, а ночью во дворце, где муха слышна, потому как акустика замечательная, никто и ничего не слышал? Я что-то себе позволил сказать не то, князь? Ведь дворец ваш обладает прекрасной акустикой? Кто его строил?

—В саду, в тот момент, когда убивали мою жену, фейерверк уж начался, так что кричи — не кричи, а такой грохот стоял, что разве прямо перед тобой резать человека начнут, так только глаза и засвидетельствуют убийство, а слух один грохот тот и сможет запомнит. Галерея на втором этаже находится и конечно в саду никто не мог услышать, что в галерее делается. А вот дворня, Виталий, что в тот момент во дворце была, могла все же что-то слышать, но они так ненавидели Дарьюшку, что даже если и слышали хоть звук, так ведь не скажут, хоть ноздри им рви.

—Мне бы хотелось выяснить, кто в момент убийства мог находиться во дворце. У меня к вам вопрос имеется, я не утверждаю, что так оно так и есть, но что-то мне подсказывает... Одним словом ваша младшая дочь обнищала в деревне,

оголодала и жила на подаянии у крепостных? Так?

—И так, и нет. Я конечно осерчал на нее, но с голода пухнуть, да еще и у крепостных побираться не дал, да и Натали заплатила попу, чтоб подкармливал Софью. Я дал денег старосте и управляющему, он как раз сам проживает в той деревне. Управляющий свез к себе в амбар и кладовую: хлеб, молоко, мясо, овощи, соль и сахар. Я не баловал дочку, но и с голоду умереть не дал бы. Натали в поповском доме врача поселила, чтоб за Софьей ухаживал.

—Могла княжна, узнав о такой опеке, заявится в деревню и угрозами заставить попа, управляющего, врача и старосту не выполнять на себя взятых обязательств во всех смыслах? Ведь переспрашивать младшую дочь об этом вы не будете?

—Зачем ей это нужно? Да и Дарьюшка была на редкость доброй души человек.

—А как же письма?

—У вас видать нету крепостных?

—Нет, нету.

—Вот то-то и оно, что нету, крепостным верить, себя потерять. А Софи не могла убить Дарьюшку, хоть убейте меня, Виталий, а не могла. Конечно зла была на мачеху и на меня, но сама виновата, что ко мне в опалу попала.

—Значит в той деревне проживают все крепостные, что были в ночь убийства во дворце, ваша младшая дочь и управляющий с провизией, да еще и поп, и врач с деньгами на руках. Крестьян вы уже продали? Простите, но я думаю, что

сейчас очень удобный момент для побега крепостных. Деньги и провизия есть, идти к новому хозяину они должны своим ходом. Как вы думаете, я прав? В первую очередь мне необходимо, пока крестьяне не ушли, переговорить с этими крепостными.

—Правы и все правильно поняли.

—Так, теперь вернемся к вашей старшей дочери. Наталья Николаевна была в саду вместе с гостями и смотрела фейерверк? Натали и вы не знали, что Софи, ваша младшая дочь, приехала в имение?

—Я с ней разговаривал после того, как пришел в себя, Натали не знала, что Софья приехала. Она хотела вместе с Сержем ее навестить после бала.

—У кого можно спросить, где находилась Софи во время фейерверка и для чего тогда приехала, если не захотела прямо с дороги обнять сестру и старалась скрыть свой приезд? Может она пряталась как раз у кого ни будь из дворовых?

— Может и у дворовых. Думаю, Софи приехала, чтоб со мной встретится и помирится, да у Дарьюшки попросить прощения, я же знаю, что душа у нее была нежная, не злая.

—Была? Простите, но вы ее не видели в тот вечер, я имею ввиду до фейерверка?

—Ни до, ни после. Я Софью вообще не видел ни в тот вечер, ни той ночью. Она так и не решилась подойти, да и случая, думаю, подходящего не было.

—А не могла она встретится с вашей женой и, не совладав

с собой, нанести роковой удар?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.